

Елизавета Мусатова

ВРЕМЯ КРАСИВЫХ ЛЮДЕЙ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022 📖

Лучшее
произведение
в жанре
«современная проза»

Литрес ☰

Елизавета Мусатова

Время красивых людей

«Автор»

2021

Мусатова Е.

Время красивых людей / Е. Мусатова — «Автор», 2021

Вчера жители мирного Белграда пили кофе, обсуждали футбольные матчи и болтали с соседями по очереди в супермаркетах. Сегодня они готовы убивать друг друга: кто — за идею, а кто — за наживу. Разделенный рекой город оказывается в одночасье охвачен военным переворотом. Пока на одном берегу устанавливается жесткая диктатура, на другом свирепствуют мародеры и вооруженные банды. Пятеро незнакомцев объединяются, чтобы выжить в челюстях гражданской войны и пробраться туда, где, по слухам, есть безопасный коридор. У бывшей военной журналистки, опального скинхэда, профессиональной содержанки, преподавателя танго и пожилой женщины в деменции нет ничего общего. И все же они вынуждены бороться с городом за жизнь и друг с другом за лидерство. Но еще сложнее оказывается бороться с призраками своего прошлого.

© Мусатова Е., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	43
Глава 11	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Елизавета Мусатова

Время красивых людей

Предисловие

В открывающих титрах кино обычно пишут, что все события вымышлены и любое совпадение с реальностью случайно. “Время красивых людей” происходит в вымышленном близком будущем. От стадии черновика до выхода романа в печать для многих людей оно превратилось в страшное настоящее.

Наверное, последнее дело для автора – объяснить, что он хотел сказать в своей книге. Но мне важно написать несколько слов перед тем, как выпустить текст к читателю.

Есть большая история и есть люди, с которыми она случается. Я – не эксперт в большой истории. Этот роман – не про политический строй или устройство военных переворотов. Не стоит искать в нем доскональной достоверности. Он про то, что мне хорошо знакомо: про людей и их истории.

Я – практикующий психотерапевт. Ко мне приходят люди со своей болью, горем, бессилием и надеждой. Они ищут смысл и в процессе поиска соприкасаются друг с другом и вскрывают что-то тайное, становятся другому раной или исцелением, стеной или свободой.

Мне бы хотелось, чтобы выдуманный полыхающий мир стал не поводом для споров, а возможностью обратиться к собственной частной внутренней войне, которая жива во многих из нас. И, может быть, увидеть в историях несуществующих людей свой ответ на вопрос: когда все горит, что мне делать в этом времени?

Елизавета Мусатова,
январь 2022

Глава 1

Вешали геев.

Широкая улица Кнеза Милоша превратилась в человеческую заправку. Перекрестки перегородили железными ограждениями и автомобилями с разноцветными коронками городских таксопарков. У здания Парламента гудела, точно улей, протестная толпа. Кто-то уже расписывал из баллончика косыми слоганами стену изящного умытого здания. Шипела краска, плыл над головами едкий запах. То и дело кто-то выкрикивал слоган, и толпа подхватывала, орала в тысячу медных глоток.

Орала, но стояла на месте. По ту сторону ограждений стояли ряды жандармов в защитных шлемах и бронезиленках. Как холодной неэластичной мышце нужна растяжка для разогрева, чтобы прийти в кондицию для нагрузки, так и толпе нужно было прогреться чем-то, чтобы резиновые дубинки и слезоточивый газ перестали быть весомым аргументом, чтобы масса заревела, полыхнула безудержным балканским пламенем и рванула на штурм.

Кто-то успел отбежать в пекарню вниз по улице и спешно возвращался к своим, на ходу разворачивая бумажный промасленный пакет и откусывая от горячего бурека. Обертку человек выбросил тут же, на тротуар. Ее подхватил летний ветер и понес дальше, мимо толпы, мимо ограждений, мимо притихших парадных витрин магазинов одежды и бюро путешествий, к нарядной точно пирожное Цветочной площади. Ветер принес бумагу к ступеням памятнику писателю и демократу Бориславу Пекичу и прибил к белому камню.

Алиса сама не поняла, когда успела нашарить руку Мики и взять его узкую изящную ладонь в свою. Перевела взгляд с толпы на него. На тонкий профиль и густые темные ресницы. Мика дрожал.

А человек из пекарни вместо того, чтобы бочком ввинтиться в толпу, перешел на другую сторону дороги, сел на тротуар, снова откусил и принялся неторопливо жевать. Повернул голову вбок. Хмыкнул, когда увидел, что сидит у широкого окна, за которым внутри на подоконнике стояли радужные флажки, пирамида сувенирных кружек с радужной же символикой и лежали аккуратные стопки буклетов с заголовком «Белградский парад гордости». Человек затолкал пальцами в рот остатки бурека, отер руку о карман собственной куртки, уцепился за подоконник, подтянулся и прижал лицо к стеклу. В глубине помещения разглядел нескольких человек в углу. Выругался. Обернулся к толпе.

– Эй! – замахал рукой.

На крик обернулся рослый мужик в куртке военного кроя. За ним второй, коренастый и с бритым затылком. Бранное слово понеслось по рядам. Люди словно впервые увидели, что стоят напротив окна с радужными флагами. Зашумели громче.

В витрину полетел первый камень. Прыснуло битой стекло.

Толпа завибрировала, зашевелилась.

В витрину потекли люди.

Полетели на пол кружки, закружились на ветру буклеты.

Трое молодых ребят и две девушки, которые прятались в дальнем углу, закрывали руками головы от толпы. Один попробовал прорваться к выходу, но его взяли в клещи и передали по рукам обратно, как будто мяч в детской игре. С криками и хохотом толпа отвешивала тычки, дергала за одежду. Хрустело под подошвами стекло. Кто-то сорвал со стены большой разноцветный флаг, поднял над головой.

– Сжечь! – крикнул кто-то с улицы.

Толпа одобритительно заревела. Никто не понял толком, что или кого предлагали сжечь, но предложение всем пришлось по душе. «Сжечь!» – гаркнула полная женщина в футболке с гербом Сербии прямо над головой заложников.

Одна из девушек, со спутанными длинными волосами, потекшей тушью и разбитой губой, которая прикрывалась руками и повторяла «пожалуйста, пожалуйста», вскинула голову и диким взглядом посмотрела на женщину. Та смутилась от взгляда, отвела глаза в сторону. Точно по воздуху, ее смущение передалось стоявшим рядом мужчинам. Они поприотихли.

– Гоните их, – мрачно сказал тот, что в военной куртке.

Ребят вздернули на ноги. Толпа не сразу, но расступилась, чтобы по узкому коридору дать им выйти на улицу. В спину летели тычки и оскорбления.

А кто-то уже скручивал из флага чучело и малевал приговор на обратной стороне таблички с входной двери. Табличку повесили чучелу на шею. Пустили по рукам на улицу. Кто-то уже щелкал колесиком зажигалки, но шальной весенний ветер не давал пламени разгореться.

– А ну, пусти.

Мужчина в военной куртке локтями протолкал дорогу к фонарному столбу и вокруг него образовалось пустое пространство.

– Неси сюда!

Под свист и улюлюканье мужчина сбросил куртку, а затем расстегнул пряжку ремня и одним движением вытянул его из шлевок. Вскинул руку с ремнем над головой. «Ууу!» – отозвалась одобрительно толпа.

Ремень обернули вокруг шеи чучела, а затем приладили мужчине за спиной на манер рюкзака. Тот потер руки и на удивление ловко начал карабкаться вверх по столбу.

– Вешай! – крикнул кто-то.

– Ууу!

Когда тряпичное тело повисло и закачалось, чистый женский голос затянул молитву. К нему присоединялись другие голоса, мужские и женские.

Вдалеке что-то рвануло. От звука взрыва толпа окончательно пробудилась. Повернулась к ограждениям у Парламента и пошла прямо на ряды жандармов.

Рвануло еще раз. И еще, с разных сторон.

К звукам толпы добавилось нарастающее механическое дребезжание. Его Алиса знала хорошо и распознать могла задолго до того, как увидит.

Танки.

– Пошли!

Мика моргнул.

– Пошли, ну!

Развернулась и увидела, что на другом конце перегороженной улицы колышется и плывет на них другая толпа. Уже не разношерстные протестующие, а люди в одинаковых банданах поверх ртов, в черных куртках и камуфляжных штанах. В другую сторону было не пройти, оттуда уже неслись звуки ударов дубинками.

Алиса рванула Мику за руку. Они прижались к стене на опустевшей стороне улицы и быстро пошли вдоль нее: Алиса впереди, Мика за ней, все еще ведомый за руку. Главное, не смотреть в глаза. Успеть бы до первого поворота, который сразу за ограждениями.

Успели. Но за поворотом на них шли еще одни, на этот раз, в униформе, и было не понять: это подкрепление жандармам или поддержка протестующим. А еще за ограждениями суетились люди. Обычные, гражданские. Кто-то пытался забежать в супермаркет, кто-то по-детски забрался с ногами на лавочку у маленького фонтана, чтобы не затоптали, кто-то жался к стене.

Алиса пошла вперед, навстречу людям в униформе, обтекая людей у стен. Следующий поворот.

Снова рванул снаряд, на этот раз совсем близко. Потянулся дым, за ним запах. Задрезжали стекла в окнах.

Алиса почувствовала, что Мика вывинчивает руку из ее пальцев, словно пробку штопором из горлышка бутылки. Пришлось остановиться. Обернулась.

– Ты чего?

– Я домой.

Взгляд у Мики был стеклянный.

– Какое «домой», не дури.

– Домой, – упрямо повторил он.

«Да у него шок».

Людей становилось больше. Слева на улицу въехал первый танк.

Алиса одной рукой перехватила Мику за запястье, а когда он дернулся и снова попытался вывернуть кисть, с размаху залепила пощечину. Мика часто заморгал, затряс головой. Алиса притянула его поближе за руку, а вторую ладонь положила ему на плечо. Посмотрела в глаза, которые перестали быть стеклянными, а стали живыми и очень испуганными.

– Мы обязательно пойдем домой, – сказала Алиса. – Но сначала выберемся отсюда.

Громили Парламент. Если у толпы получится, дальше двинут к зданию генштаба, к МИДу, к филиалам МВД. Нужно в боковые улицы, и по ним подальше от центра, а там уже можно отдышаться и решить, как дальше.

Мика снова дернул рукой. Испуг в глазах превратился в обиду, но времени разбираться не было. Алиса открыла рот. Сказать ничего не успела. Жахнуло из дула танка. Раздался громкий визг. Люди бросились врассыпную. Побежали Алиса с Микой.

За их спинами начиналась гражданская война.

Глава 2

На занятиях Алиса была похожа на неловкого кузнечика: ноги согнуты в коленях, локти торчат, шаг неровно подпрыгивает. Не было в ней ничего от ленивой грации инструкторов школы танго, с которой те элегантно вытягивали ноги, подавались грудью к партнеру и скользили по полу, не отрывая ступни от паркета. «Расправь колено, – говорили ей. – Отпусти локти. Расслабься. Будь свободной. Покажи себя». Переспрашивали: «Ты понимаешь? Повторить по-английски?» Алиса качала головой – на сербском она заговорила в первые же полгода после того, как сошла по трапу со спецборта, и дело было не в языке. Если занятие вел Мика, он подходил к ней и раз за разом повторял: «Смотри на мои ноги. Повторяй за мной». Алиса горбилась и приседала.

После урока по вторникам и воскресеньям в школе шли милонги – танцевальные вечера, на которых многорукая и многоногая толпа двигалась и дышала в едином ритме, укутанная полумраком и подкрашенная алым от кокетливых светильников в виде корсетов. Алиса никогда не оставалась, но иногда задерживалась у окна студии и смотрела, как послушные упругие тела делают красиво. Ей хотелось запустить в окно камнем.

Она возвращалась на следующий урок, огрызалась на партнеров на непонятном им русском и хмурилась на инструкторов, которые бессовестно ввали, что танго открыто для всех, как открыты для всех свобода и любовь, что все тела умеют танцевать, как умеют дышать в этом мире аутентичных и искренних человеческих связей. Из этой бочки с ложью Алиса регулярно черпала только две вещи: смирение и унижение.

Сейчас полусогнутые колени, на которые жаловались инструктора, давали скорость и маневренность. Ее тело впервые за долгое время знало, что делать. Оно могло лавировать в толпе, бросаться в сторону от опасности и очень быстро бежать. Именно сейчас, а не в танцевальном зале, оно впервые за долгое время двигалось как дышало.

Едва ли два часа назад, утром, Алиса собиралась. Упаковала в рюкзак бутылку воды, шоколадный батончик и новые танцевальные кроссовки. Блокнот, который так и не отвыкла носить с собой. Надела свое единственное украшение: золотую цепочку с подвеской – пара колец, кулон. Сняла. Потрогала подушечками пальцев и надела обратно. Вышла заранее, чтобы пойти пешком, нарочно медленно. Вслух бы она не призналась, но домашние задания от инструкторов делала исправно: следила за шагом при ходьбе, представляла, что вес тела уходит в бедра, включала в наушниках музыку и старалась, чтобы каждый шаг приходился на бит. Злилась, спотыкалась, начинала заново.

Музыка в наушниках прервалась, когда она спускалась по лестнице.

Мика (танго): «Ты где? Я в школе».

Алиса остановилась, набрала: «Скоро буду». Рядом с сообщением замигали три точки: отправляется. Пока отправлялось, почему-то долго, телефон снова тренькнул:

Мика (танго): «Не приходи. Что-то происходит. Напишу позже».

Алиса выдернула наушники из гнезда и затолкала в карман. Торопливо набила еще раз: «Я скоро», нажала на кнопку с изображением бумажного самолетика. «Отправляется», – опять сообщил телефон. Палочки сотовой связи мигнули и перечеркнулись крестиком. «Сообщение не может быть доставлено. Попробовать еще раз?»

Заныли колени. Врач говорил, что будут ныть на погоду, но у ее суставов по этому поводу было свое мнение: они ныли, когда в воздухе разливалась опасность. Не подводили ни в Цхинвале, ни в Египте, ни в Сирии. Алиса перехватила рюкзак поудобнее и побежала.

С Микой они столкнулись у широкой наружной лестницы, которая вела на второй этаж. Идти до студии было минут тридцать медленным шагом, а если бежать, то и вовсе десять. Этого времени хватило, чтобы понять: Мика прав. Что-то происходило. Уже подтягивалась с разных

сторон основная толпа, и то тут, то там мелькали стайки крепких молодых людей с бритыми затылками. Проезжали жандармские машины с включенными мигалками. По соседней улице тянулась вереница машин с коронками таксопарков, и водители сердито гудели. Как будто все протестные движения последних трех лет – забастовка таксистов, протесты против результатов президентских выборов, митинги против чрезвычайного положения и комендантского часа во время эпидемии коронавируса, – сейчас повторно проигрывались, только одновременно.

Колени не ввали.

Алиса залетела в арку, которая вела в крошечный заасфальтированный дворик с лестницей, и впечаталась с размаху в чье-то тело грудь в грудь. У обоих воздух выбился из легких с негромким «х-ха». Сначала они оттолкнулись друг от друга, как два магнита с одинаковыми полюсами, а потом Алиса схватила Мику за плечи так, что костяшки пальцев побелели. Отметила расплывшиеся зрачки и красные пятна на скулах.

– Ты что тут делаешь? Я же сказал, не приходи.

Он повел плечами, как будто пытался сбросить ее руки, но Алиса держала крепко.

– Ты прав, там нехорошо. Пойдем отсюда. Я нас выведу.

– Я не уйду. В студии никого нет, нужно остаться и постеречь.

В студию Мика всегда раньше всех приходил и позже всех уходил. Проводил в ней выходные, даже если занятий и репетиций не было. Алиса бы не удивилась, если бы узнала, что спит он там же, на широком красном диване в углу.

– Пусти, дверь запру.

На ночь дворик запирался на тяжелую металлическую дверь. Мика все-таки вывернулся и пошел было мимо Алисы, на ходу нашаривая в кармане ключи. Может быть, Мика прав. Может быть, они просто смогут здесь пересидеть. Разделят пополам батончик из ее рюкзака и придвинут кулер поближе к дивану. Может быть, поделят наушники и послушают музыку с его телефона. Может быть, даже потанцуют.

Или их лучший шанс – успеть перебежать через дорогу, нырнуть во двор соседнего ресторана, который заканчивался кирпичной стеной, перебраться через нее и уходить из центра так быстро, как получится.

С улицы доносились возмущенные теноры автомобильных сигналов и звуки футбольных дудок. К ним добавился далекий звук бьющегося стекла. Где-то запричитала сигнализация. Алиса вздрогнула. Опытное тело знало, что пересидеть не получится, потому что по городу уже плывут зловещные стайки и сливаются сейчас в одно безликое, расплывающееся по городу существо о ста щупальцах, и этим щупальцам ничего не стоит забраться в любой дом сквозь любую дверь.

Она догнала Мику почти у ворот, когда он все еще возился с ключами. Перехватила руку, стиснула запястье поверх манжета пестрой рубашки. Хотела сказать ему про щупальца и про кирпичную стену, сказать, что ему просто нужно дать ей час времени, и за час она что-нибудь придумает – всегда придумывала! – но Мика попытался вывернуть запястье, а когда Алиса не пустила, дернул сильнее. Ключи выпали. Они одновременно наклонились, чтобы их поднять, а когда поднимались, оба увидели через дорогу троих в черном.

Мика замер.

Трое не двигались.

Алиса схватила его за руку и дернула к лестнице на секунду быстрее, чем рванули к ним трое.

Ступеньки гудели под ногами. На последней Мика зацепился носком кроссовки и чуть не полетел вперед, Алиса едва успела его подхватить. Толкнул плечом входную дверь, придержал, впуская Алису. Внутри она привалилась к двери спиной, пока он дрожащими пальцами закрывал на ключ.

– Вниз.

Внизу был второй зал и подсобка с запасной мебелью, реквизитом для выступлений и рекламными растяжками. Рядом – пожарный выход. Попасть туда можно было через вторую дверь, вдоль по узкому коридору с вешалками и стульями, на которых едва рассаживались перед занятиями танцоры, чтобы переобуться в лакированную кожу и каблук, вниз по лестнице.

Пока Мика открывал вторую дверь, ступеньки снова загудели под тяжелыми ботинками. Входная дверь не задержала бы этих троих надолго. Большие стеклянные окна можно разбить даже не камнем, а просто локтем, если куртка толстая.

Ключ провернулся.

Когда Мика закрывал замок с другой стороны, донесся звон бьющегося стекла.

По узкой лестнице вниз бежали, едва не толкаясь локтями. Выход. Не заперто.

– Стой.

Алиса первая приоткрыла дверь на узкую щелку и прищурилась, чтобы разглядеть, что творилось на улице.

– Вроде чисто. Пойдем.

Мика замешкался на пороге.

Алиса знала, почему люди мешкают на пороге. В минуту опасности срабатывают два инстинкта. Один кричит, что теперь каждый сам за себя в спасении своего тела. Второй шепчет, что спасать нужно то, без чего тело не нужно и выживать смысла нет. Ребенка. Кота. Любовное письмо. Прабабушкину мельхиоровую ложку. Спасти, пусть даже судьба дышит в затылок как дуло.

Колени кольнули. Алиса начала закипать. Оставить его тут, плюнуть на упрямого мальчика, которому разноцветные абажуры, плюшевый диван и зеркальные стены дороже собственной безопасности. Чистенького, вечно вежливого, улыбчивого мальчика, танцующего как дышащего под восхищенные взгляды женщин, которые хотели быть с ним, и мужчин, которые хотели быть им. Мальчика, не знающего, что бывает, когда вламываются в его дом. Не получившего автоматного ствола в живот. Не смотревшего на руки в грубых черных перчатках и не молившегося на то, чтобы указательные пальцы этих рук оставили в покое спусковые крючки. Мальчика, который сам-то оружие в руках если и держал, так, наверное, пластмассовый пистолетик в детстве.

Зато Мика умел держать в руках ее. Получилось, правда, только однажды. Он подошел к Алисе, неловко топчущейся в паре с таким же неловким и вдобавок грузным пожилым адвокатом, который трижды оттоптал ей ноги загнутыми пустыми носами вышедших пятнадцать лет назад из моды туфель и даже не чувствовал, что причиняет боль, только прижимал плотнее к своему рыхлому телу, пахнущему резким одеколоном и скорой старостью. «Позвольте», – мягко сказал Мика и забрал Алису из рук адвоката, точно антикварную вазу. Бережно взял ладонь в свою, вторую положил на спину. Не повел, а понес в своих руках по паркету. Несколько шагов. Поворот. Движение, с которым Алиса полчаса не могла совладать, случилось само собой. Когда Мика разомкнул руки и так же аккуратно вернул драгоценный антиквариат неумелому грузчику, ее тело кричало в протесте.

На следующий день Алиса выпила три порции ракии в баре у дома и написала эсэмэску: можно ли ей частный урок?

Сейчас вместо того, чтобы танцевать, они стояли на пороге пожарного выхода. Как ей в голову пришло его тут оставить?

– Смотри на мои ноги, – сказала она. – Повторяй за мной.

И сделала шаг.

Глава 3

Шли по боковым улицам. Если Алиса видела, что людей становится слишком много, находила, куда свернуть. Расчет был простой: двигаться прочь от толпы, чтобы миновать самое пекло и выйти на опустевшую периферию. Найти там укрытие. Расчехлить телефон, узнать, что происходит. Решить, что дальше.

Людей меньше не становилось. Как будто вместо того, чтобы сидеть по домам, им не терпелось высыпать на улицу и увидеть все своими глазами. Алиса привычно лавировала между людьми. Поначалу оборачивалась на Мику, но перестала, когда поняла, что он с точностью повторяет ее путь и умудряется двигаться с этой своей тягучей танцевальной грацией, как будто по залу на милонге скользит. Алиса успокоилась и просто шла вперед: ей было достаточно почувствовать присутствие Мики тоненькими волосками на затылке.

Свернули в узкую улицу, которая шла вниз под наклоном. Алиса ее смутно помнила. Кажется, сейчас они выйдут на перекресток, за ним будет сквер, а дальше можно выбрать из нескольких расходящихся лучами улиц.

Людей стало меньше, и теперь Мика смог поравняться с ней. Алиса хотела было сказать ему про сквер и улицы, чтобы знал заранее, даже голову повернула, но не успела. Мика с силой толкнул ее плечом. Алиса сбилась с шага, чуть не потеряла баланс, но устояла, только шатнулась к дальней кромке тротуара. В улицу круто развернулся автомобиль, который едва помещался на единственной узкой полосе асфальта.

На повороте водитель сбросил скорость, а потом сразу дал по газу. Машина петлянула было, но выровнялась. Понеслась. Запахло паленым. По крыше плясал огонь. Похоже, кто-то облил горючим и поджег или швырнул какой-то ядерной смесью. Мика сам едва отскочил почти из-под колес и прижаться спиной к стене здания.

Водитель ударил по тормозам. Машина завизжала. Алиса успела разглядеть мужчину за рулем: костюм, галстук, очки. Закусил нижнюю губу и смотрел перед собой широко распахнутыми глазами. Успела еще отметить, что номера черные с желтыми цифрами.

В переулок ворвалась толпа. Увидели, что автомобиль сбросил скорость, и заулюлюкали. Водитель попытался дать газу, но что-то пошло не так. Вместо того, чтобы рвануть с места, машина издала печальное «врррум» и заглохла. Еще раз. Еще. Бегущие люди были совсем близко.

«Мика».

Мика так и стоял, вжавшись в стену, и смотрел на горящий автомобиль, в котором водитель пытался отстегнуть ремень безопасности и выбраться. Алиса знала, что убежать он уже не успеет. Но если повезет, успеют они с Микой.

Рванула на ту сторону перед носом машины. Сердце колотилось в ушах. Звуки раздавались как будто издали: крики, свист, что-то на иностранном языке – французском, что ли? «Дипломатик!». Бой стекла.

Она схватила Мику за руку и рванула бы в сторону, но взгляд зацепился за входную дверь в подъезд. Двери белградских домов, на которые Алиса не уставала ворчать, потому что за три года так и не привыкла к тому, что они открываются и закрываются против всех правил пожарной безопасности и здравого смысла, открывались с улицы внутрь. Алиса навалилась плечом, толкнула Мику, ввалилась сама.

– Вверх!

Побежали вверх по ступенькам. Пролет, еще один, пока Алиса не поняла, что единственный звук в этом подъезде издают их собственные шаги. Никто за ними не гнался. То ли преследователи в запале вообще не разглядели, что на этой улице был кто-то еще рядом с машиной, то ли были слишком заняты французским дипломатом.

Оба тяжело дышали. Мика оперся о стену ладонью и согнулся пополам, чтобы восстановить дыхание. Алиса подошла к нему. Хотела потрогать за плечо, чтобы убедиться, что с ним все хорошо, что он живой и целый, но вместо этого сама облокотилась о ближайшую твердую поверхность и шумно выдохнула.

Поверхность поплыла. Оказалось, что не стена, а дверь. Солидная, темного дерева, с металлической табличкой, на которой аккуратным курсивом была выгравирована фамилия жильцов, почему-то забывших запереться. Алиса схватилась рукой за косяк. Задержала дыхание. Прислушалась.

Кажется, никого.

Мотнула головой: пойдём.

Шагнула внутрь, Мика за ней, и язычок замка щелкнул, как передернутый затвор.

Было темно. В нос ударил запах старого жилья, который с трудом выводится, даже когда на место прежних жильцов въезжают молодые родственники или квартиранты. Этот запах не выветривается и не убирается генеральной уборкой с мощным пылесосом. Запах старого дерева, пыли и угасания человеческого тела.

Первым делом прошли по всей квартире, все еще тихо и по стеночке. Прошли через холодную гостиную с изразцовой печкой, резным деревянным буфетом и креслом-качалкой, потом в спальню, где господствовала деревянная кровать и трюмо с вязаными крючком салфетками. Вышли в аккуратную кухню с фикусом в кадке, широким столом и неожиданно приятной бытовой техникой. Все окна в квартире были занавешены толстыми шторами. Алиса развела их в стороны на небольшую шелку, чтобы впустить немного света и разглядеть, что происходит на улице.

Улица пустовала. Раскуроченная машина щерилась пустыми окнами. За ней по асфальту тянулись черные полосы от шин, вокруг поблескивало на солнце битое стекло и темнели какие-то пятна. Валялся одинокий лакированный ботинок.

За спиной потеплело. Мика подошел и попытался рассмотреть улицу из-за ее плеча. Алиса нехотя подвинулась.

– Где водитель? – спросил Мика.

Алиса промолчала. Ей казалось, что ответ очевиден. Если Мике действительно нужно спрашивать, возможно, ему не нужно знать. Но Мика повернулся к ней и повторил:

– Где водитель?

Алиса указала пальцем:

– Видишь пятна? Присмотрись. Там цепочка таких же, только маленьких. Его увели. Шел сам. Если бы тащили, остался бы другой след.

Мика посмотрел и близоруко прищурился.

– А потом что?

Алиса отвела взгляд. Ответила на другой вопрос, которого никто не задавал:

– Давай умоемся и попробуем понять, как теперь жить.

Умылись на кухне. Там же напились воды прямо из-под крана. Сели за стол. Вытащили телефоны.

– Связи нет, – сказал Мика.

– У меня тоже.

Мобильного интернета тоже не было, и ни одной сети в списке. Проверили на всякий случай электричество, но свет включался исправно. Сделали даже вылазку в подъезд. Сначала осторожно прислушивались на пороге, затем Мика снял кроссовки и в одних носках на цыпочках вышел с телефоном на вытянутой руке. Поднялся на один пролет вверх и, судя по звукам, попробовал встать на перила. Сигнала все еще не было.

Вернулись на кухню. Алиса стянула чехол с телефона. Высыпала на стол горсть сим-карт. Проверила российскую, венгерскую и боснийскую. Ни одна не сработала.

- Мы отрезаны, – сказала она. – Придется ждать.
- Чего?
- Чего-нибудь. Чайник поставлю, пока свет есть.

Алиса налила воду в пузатый, подкопченный снизу металлический чайник и принялась искать зажигалку для газовой конфорки и кружки. Мика продолжал что-то проверять в телефоне. Отвлекся, только когда Алиса начала прочесывать шкафы. Она выставила на стол банку быстрорастворимого кофе, но не довольствовалась ей и продолжила поиски. Рядом с банкой появились баночки с магазинным паштетом и консервированным горошком, сухое печенье «Плазма», стеклянные банки с домашним айваром и кислой капустой.

- Что ты делаешь?
- Хлеба не вижу. Помоги поискать?
- Мы это есть не будем. Это чужое.

Алиса встала с упаковкой чайных пакетиков в руках и посмотрела на Мику. Он не ответил на взгляд, вернулся в телефон. Тогда Алиса отложила пачку к остальным припасам, вернулась к столу и села напротив.

– Мика.

Когда он не поднял глаз от экрана, Алиса потянулась было рукой к телефону, но на полдороги опустила ладонь на столешницу и постучала пальцами по дереву.

– Мика, послушай. Мы не знаем, надолго ли мы здесь. Сколько ждать. Придется ли снова убегать. Сейчас ты, может, не голоден, но через пару часов захочется съесть все, что под руку попадется, поверь мне. Хозяев здесь нет. А если вернуться, я с ними поговорю.

Мика, наконец, отвлекся от телефона. Посмотрел мимо Алисы на горку припасов.

– Я... – начал он, но не договорил.

Произошло две вещи. На плите всхлюпнул неисправным свистком чайник. В квартире раздался чей-то приглушенный голос.

Глава 4

Голос монотонно бубнил, словно читал успокоительную молитву. Слов было не разобрать, хотя звуки раздавались совсем близко.

Алиса прижала палец к губам, потом ткнула себя в грудь и стрельнула глазами в угол. Мика покачал головой. Когда Алиса встала, он поднялся за ней. «Сядь», – сказала Алиса одними губами, без звука. «Нет», – так же ответил он.

Бормотание стало громче, и в нем уже можно было различить отдельные слова:

– ...ну как же так, мы же собирались ехать на море...

Они переглянулись. Мика вскинул брови, и на мгновение лицо у него стало точь-в-точь, как когда кто-то из подкрашенных возрастных учениц пытались флиртовать с ним на уроке.

– «На море», – все так же губами сказал он. И повторил, уже шепотом: – На море!

Голос стал громче:

– ...а он мне говорит: «Маца, в этом году мы никуда не едем», но ведь знает же, что врачи прописали ему ежегодный морской курорт для сердца.

Мика хихикнул и опустился обратно на кухонный диван. Алиса позвала:

– Эй!

Но голос не только не ответил, а даже не прервался.

– ...ты же знаешь, какой он упрямый, мой Йоца.

Звук шел из дальнего угла, отгороженного кадкой с фикусом. Алиса бросила быстрый взгляд на Мику, но Мика в ответ даже не посмотрел. Тогда она развернулась и пошла на голос.

– Эй! Вы меня слышите? Меня зовут Алиса. Это Мика. У вас было открыто.

За фикусом она нашла дверь, крашенную в цвет стены. Постучала тихонько. Рассказ про море и упрямого Йоцу не прерывался. Тогда Алиса надавила на ручку и осторожно потянула дверь на себя.

Первое, что она увидела, были старческие руки с узловатыми пальцами в прозрачных сетчатых перчатках. Руки аккуратно лежали на коленях поверх темной ткани строгой юбки. Лицо закрывали поля шляпки. За спиной дамы тянулись деревянные полки под потолок, почти пустые, со случайными стеклянными банками и бутылками то тут, то там. Кладовка. Посреди которой почему-то стояло кресло-качалка. Дама покачивалась в нем и продолжала говорить с кем-то, кого в помещении не было:

– Так что мы с Йоцей остались в этом году дома, ну и хорошо, главное, что в командировки не едет, проведем время вместе, осень уже скоро, а там и новый год, а в новом году все будет по-новому, правда, дорогая?

– Вы меня слышите? – попробовала еще раз Алиса.

– Она не глухая, – сказал Мика почти в ухо, и Алиса вздрогнула. Не слышала, как он подошел этой своей скользкой неслышной поступью. – Это деменция. Она просто не знает, где она, и разговаривает с кем-то в воображении. Видишь, какие у нее глаза?

Глаза у дамы были мутные, словно оконное стекло в конце долгой зимы, которое ни разу не мыли за весь год. Наверное, никого, кроме воображаемых собеседников, такие глаза рассмотреть и не могли.

– Это хорошо, – шепотом ответила Алиса. – Значит, все по плану.

– Какому плану?

– Который придумаем. Подвинься, пожалуйста.

Когда Мика, еще не понимая сути просьбы, шагнул назад, она вышла вслед за ним из кладовки и закрыла дверь.

– Что ты делаешь? Ты что, ты ее так оставишь?

– Мика, ее давно оставили. И родственники, судя по квартире, и разум. Она нас даже не видит.

Алиса хотела сказать что-то не то. Хотела объяснить возмущенному мальчику, что иногда нужно делать выбор, и если она что-то понимала в происходящем – а она понимала больше, чем хотела бы – то таких выборов им в ближайшем будущем придется делать много. Что Мика уже оставил школу, значит, сможет оставить и пожилую хозяйку квартиры в деменции, и лучше это сделать прямо сейчас, потому что чем больше он будет про это думать, тем труднее будет решиться.

Солнце за окном успело сменить позицию, и теперь лицо Мики пополам пересекала полоска света, который просачивался через щель в шторах. Он прищурился и шагнул в сторону, чтобы выйти из луча. Сказал:

– Нет.

Взялся за ручку. Открыл дверь.

– ...и обязательно, обязательно приезжайте, чтобы на следующую Славу подгадать, мы вас ждем! Ну все, все, душа моя, целую тебя, скоро поговорим. Маленьких за меня обними, и мужу привет. Мне пора, у меня гости.

Дама умолкла на секунду, вздрогнула, как будто кто-то щелкнул невидимым рычажком, и повернула голову к двери. Теперь Алиса разглядела, что глаза у нее совершенно нормальные, никакой мутью не подернутые. Живые глаза.

– Добрый день, – сказала дама. – Как я могу вам помочь?

Мика обернулся и посмотрел на Алису. Еле заметно покачал головой из стороны в сторону. Развернулся обратно к хозяйке квартиры, подошел, медленно согнул ноги и элегантно присел так, чтобы оказаться с ней вровень.

– Добрый день, – сказал он. – Не бойтесь, пожалуйста. Меня зовут Мика. Мы зашли к вам с улицы, у вас было не заперто.

Голос его звучал совсем не так, как только что в разговоре с Алисой. Он сочился какой-то нежностью, которую Алиса от него не слышала даже на занятиях. Как будто весь он превратился в солнечный луч, прорвавшийся в помещение сквозь плотные шторы, и купал в своем тепле пожилую женщину, которая медленно сняла перчатки и взяла его узкую изящную кисть в свои морщинистые руки с толстыми венами.

– Ты такой хороший мальчик, – сказала она. – Спасибо, что пришел навестить нас с Йоцей. Йоца! Йоца, почему ты не сказал, что у нас гости? Позвони в пекарню, пусть принесут рогаликов! С повидлом! Вечно он так, гостей позовет и даже не скажет. Ну ничего. Сейчас все будет. Давай-ка я пока сварю тебе кофе.

– Нет, давайте я сварю вам кофе, – ласково сказал Мика.

– Я здесь хозяйка, я и кофе варю. Ты пока присядь и расскажи, что у тебя нового. Как в школе, успеваешь?

Алиса наблюдала за ними, привалившись плечом к дверному косяку. Дама, кажется, ее и не видела. Когда она встала со стула и пошла в кухню, то даже головы не повернула в сторону Алисы. Как и Мика, который вышел следом, только уголком губ дернул на словах про школу.

Хозяйка направилась к плите, пожурела вслух Йоцу, который вечно все продукты достанет, а за собой не уберет, и достала из ящика, который Алиса не успела исследовать, пачку кофе. Отмерила три ложки с горкой в закопченную турку, залила водой и поставила на плиту. Поплыла обратно в кладовку и взяла с полки бутылку. Выставила на стол три кофейных чашечки и три чоканя – маленьких стаканчика для ракии. Третий, поняла Алиса, вовсе не для нее, а для невидимого Йоцы.

На плите зашипел кофе. Понесло крепким ароматным духом. Дама ловко сняла турку и сноровисто разлила пенную темную жидкость. Протянула бутылку Мике.

– Ну-ка, будь джентльменом, разлей.

Мика принял бутылку двумя руками. На его лице, все еще подсвеченным нежностью, расцветала первая за день улыбка. Расцветала – и стерлась, как только перевел взгляд с дамы на бутылку.

– Госпожа, – сказал он. – Она пустая.

– Как пустая? Вот негодник! Йоца, ну как так можно? Ты подожди, пожалуйста, я его сейчас приведу. Прилег, наверное, с книжкой, и задремал.

– Госпожа, подождите...

Но хозяйка квартиры уже взяла курс на спальню. Только тогда Алиса сделала шаг в кухню от дверного проема. Мика перевел на нее взгляд, и свет на его лице погас. Она направилась к шкафчику с посудой, мазнула глазами по трем оставшимся парам кофейного сервиза, и взяла большую кружку с видом Белграда на боку. Поставила рядом с плитой. Взяла банку с растворимым кофе, насыпала три ложки, залила остывающей водой из чайника. Ложечка со стуком заходила о бока кружки.

Солнце за окном мазнуло комнату в последний раз, и стало смурнее. Наверное, небо затягивало облаками. По прогнозу вечером был дождь. Это сейчас было бы на руку. В городе, где дождь мгновенно создает транспортные заторы на несколько часов, где отменяются дружеские планы и деловые переговоры, стоит холодным каплям зарядить с неба, можно было надеяться, что смоем и толпы с улиц, и ошметки стекла с темными пятнами на асфальте, и, может быть, даже неловкую тишину на этой кухне.

Чтобы смыть тишину, дождя не понадобилось. Из глубины квартиры раздался горестный птичий крик. Мика вздрогнул и со стуком поставил чашку на блюдце. У Алисы дернулась рука, и темная теплая жидкость потекла по пальцам.

– Йоцааа! – завывала хозяйка квартиры. – Умер! Умер! Йоца!

Мика рванул из комнаты первым. На ходу ударился рукой о косяк, но даже не вскрикнул, только руку прижал к груди. Алиса догнала его уже у входа в спальню и успела увидеть, как Мика падает на широкую кровать, обвивает руками пожилую женщину за плечи, прижимает к себе и начинает укачивать, а она пытается отлепить его руки, брыкается и показывает куда-то за спину Мики. Шляпа слетела с головы, укладка растрепалась.

Алиса встала на пороге. Вой бился в ушах: сначала как звук заведенного на четыре утра будильника, потом как сирена воздушной тревоги, потом как свист снарядов.

Один пролетел у Алисы над головой и разорвался где-то далеко за спиной. Вторым ближе. Обдало горячим воздухом, кто-то вскрикнул, когда его зацепило осколком. Визжали залпы. Визжали люди. Кто-то справа зашелся в кашле, и у Алисы тоже запершило в горле от дыма. «Беги», – сказала она себе. Сделала шаг.

– Стой, – сказал Мика.

Вот почему она не бежит. Фигура в облаке дыма. Голос. Мика. Она вернулась за Микой. Алиса сделала еще шаг.

– Стой, – повторил он. – Не подходи, ты ее напугаешь.

А когда Алиса сделала еще шаг, Мика выставил руку и мягко, но решительно упер ей в живот ладонь, не позволяя приблизиться. От прикосновения Алиса вздрогнула.

Дым рассеялся. Не было никаких залпов и кашляющих людей. Была только старая безумная женщина, которая сорвала голос от крика и теперь тоненько, по-детски подвывала и звала маму, глядя в одну точку, пока Мика качал ее и гладил по голове:

– Все хорошо, – говорил он. – Все хорошо.

– Мапочка, мапочка, – лепетала она.

– Все обязательно будет хорошо.

Алиса как замороженная смотрела за ладонью Мики, которая плавала вверх-вниз по седым волосам, и считала количество движений: раз, два... Свист в ушах постепенно затихал. Вместо него пришла ватная тишина, в которой все было недвижно, кроме одной-единствен-

ной пульсирующей точки. Точка стучала в такт счету, и с каждым разом стук становился все отчетливее. У каждого удара был свой звук.

«*Не-чест-но*», – пульсировало где-то в животе.

От этого стука внутренности начало сводить спазмом. Пульсация крепла, удары лупили по стенкам желудка и сколачивали пустоту в нем в липкий холодный комок. Алиса попыталась перестать считать. Врач учил ее переключать внимание на предметы в комнате. Пять вещей, которые видишь, четыре звука, которые слышишь. Мика – раз. Шляпа – два. Окно – три. Фотография на комод – четыре.

Комок в животе екнул и замер, уступил профессиональному чутью. От фотографии Алиса провела мысленно прямую черту, которая прошла через кончик вытянутого указательного пальца старческой руки и закончилась в отчаянном взгляде хозяйки квартиры.

В несколько шагов Алиса подошла к комоду и опрокинула рамку фотографией вниз. Женщина всхлипнула и замолчала. Было слышно, как Мика выдохнул.

Алиса прошла мимо них, не глядя. Вышла из комнаты, закрыла за собой дверь. Вернулась на кухню. Сделала большой глоток из кружки. От остывшей горькой жидкости комок в животе встрепенулся. Она попробовала сглотнуть, но он поплыл вверх, подобрался к горлу, и ничего не оставалось, кроме как нагнуться над раковиной и позволить тому, что билось внутри, покинуть ее тело.

Глава 5

Когда Мика вернулся на кухню, Алиса стояла у окна и посматривала через щель в шторах на улицу. На город опускались летние сумерки. Небо за крышами домов окрасилось в карамельно-зеленый, какой бывает в солнечном южном июне. Такой вечер должен пахнуть цветущими липами и звучать как биты из колонок и гомон голосов на открытых террасах городских баров. Сейчас, когда в квартире угасли все звуки, можно было различить далекий гул, и приглушенные расстоянием выкрики и выстрелы, но на ближайших улицах все было тихо. Дом напротив щерился пустыми глазницами окон, в которых не горел свет. Большинство были скрыты от мира опущенными жалюзи или задернутыми занавесками. В одном окне Алиса различила мутный белесый овал чужого лица: кто-то вжимался в стекло щекой в попытке рассмотреть, что происходит на краю двора.

Присутствие Мики на кухне она сначала почувствовала так же, как чувствовала его на улице: зашевелились тонкие волоски на затылке, и кожа потеплела. Потом услышала шаги. Не подала виду, продолжила смотреть в окно, но теперь уже не видела ни слепых окон, ни лица. Смотрела на янтарный фонарь во внутреннем дворике, который разливал мягкий свет сквозь ветви огромной липы, отчего листва казалась восковой. На ветку опустилась большая черная ворона. Смешно запрыгала бочком в сторону, но, едва дойдя до края пятна света, каркнула и заковыляла обратно.

Когда Мика подошел поближе, тепло на коже усилилось. Алиса подобралась, поджала плечи, прижала локти к бокам точно так же, как делала на занятиях каждый раз, встречаясь с обещанием скорого касания другого человека. Кожа помнила, как из точки соприкосновения начинает тянуться теплый луч внутрь, сквозь мышцы и фасцию, до самых выстуженных годами работы костей.

Касания не случилось. Мика сел за стол. Что-то легонько стукнуло.

– Заснула, – сказал он.

– Угу.

– Что на улице?

– Я не смотрела. Тут окно во двор.

Алиса ждала, что он спросит, почему она не стоит у другого окна, почему не всматривается и не вслушивается в улицу, которую можно было бы попробовать сделать своим союзником, почему вместо того, чтобы понимать, что им теперь делать, она смотрит на фонарь и нелепую птицу, которая то подпрыгивает к свету, то бежит от него.

Но вместо этого Мика сказал:

– Ее зовут Мария.

Алиса все-таки обернулась. Мика сидел за столом и смотрел на ту самую фотографию. Он вынул ее из рамки и теперь рассматривал обратную сторону. Провел кончиком пальца по бумаге. Зачитал вслух:

– Мария и Йосип Станкович, тысяча девятьсот семьдесят второй год, Белград.

Он перевернул фотографию лицом. Алиса ее и так помнила: семейный портрет. Судя по белому платью и шляпке с вуалеткой на молодой еще хозяйке квартиры – может быть, даже свадебный. Рядом с хозяйкой сидел статный мужчина с серьезным, словно из дерева вырубленным лицом, в парадном кителе с наградами. Если свадьба, в этом году была бы золотая. В другой ситуации она бы присела за стол, взяла снимок и рассмотрела. Поговорила бы с соседями, расспросила про Марию и Йосипа. Может быть, рассказала бы эту историю миру: как они были вместе и как вышло, что все, что осталось от Йоцы в этой квартире, был снимок и похоронный плач Марии при взгляде на него.

Она могла бы и сейчас это сделать. Не нужно соседей, не нужно архивов, она и так сможет понять: по мимике, позам, одежде. Она могла бы рассказать об этом Мике. Как сказку на ночь, как ложное «все будет хорошо», как подарок на их первый урок, как доказательство ее, Алисы, мастерства найти правду там, где ничего неизвестно. Доказательство того, что ей можно верить. Можно довериться.

Но Мика снова погладил снимок, и она вспомнила, как его рука недавно так же гладила пожилую женщину по голове, а самой Алисе досталась ладонь в живот и сухое «стой».

– Отнеси обратно. А то проснется, не увидит, снова начнет кричать.

Пока Мика укладывал снимок обратно в рамку, прилаживал заднюю часть и закреплял гвоздики, Алиса выносила из кладовки банки и вынимала из шкафчиков тарелки и приборы. Мика больше не протестовал. Может быть, больше не задумывался, можно ли брать чужую еду, а может, воспринял приглашение на кофе от хозяйки как разрешение и на все остальное.

Ели молча. Хлеба так и не нашлось, поэтому приспособились нарезать паштет толстыми ломтями и класть на него ложкой домашний айвар. Мика выложил несколько импровизированных бутербродов на отдельную тарелку, положил с края салфетку, другой салфеткой закрыл, чтобы не обветрилось. Потом он взялся варить свежий кофе, но отвлекался на каждый шорох, прислушивался, не из спальни ли доносились звуки, и упустил момент, когда турку нужно было снять с огня. Черная пена зашипела и залила глянцевую белую поверхность плиты. Запахло жженым.

Пили кофе из чистых чашек, заедали найденным в кладовке джемом, который черпали прямо ложками из банки. Шторы оставались плотно задернутыми. Как будто внутри квартиры они играли в детскую игру, где нужно закрыть глаза ладонями, чтобы поверить, что нехитрым обманом ты перестал существовать для всего мира, раз не видишь его сам.

Пока ели, стемнело. Алиса зажгла лампу в матерчатом абажуре над столом. После ужина, не стовариваясь, не глядя друг на друга и то входя в пятно света, то выходя из него, в четыре руки убрали со стола: перемыли, вытерли полотенцем и убрали на сушилку посуду, закрыли банки, протерли стол. За окном раздался далекий визг сирены.

Оба молча вернулись за стол. Сели друг напротив друга. Проверили телефоны, убедились, что сигнала по-прежнему нет. Алиса положила руки на стол ладонями вниз и забарабанила пальцами по столешнице. Мика сцепил пальцы в замок на телефоне.

– Что теперь? – спросил он.

– Будем решать, что делать дальше.

Мика поднял на нее глаза. Переспрашивать не стал, только издал позабавленное тонкое «х-ха», как делал, когда кто-нибудь на занятии делал что-то особенно неудачное.

– Слушай, – заторопилась Алиса, – пока что у нас все получалось. Нужно просто продолжать. Сегодня это не закончится, завтра тоже. Видел танки? Это не очередной протест, который покажут по телевизору, а потом все протестанты разойдутся пить пиво и ругать власть. Это штурм. А раз танки, значит, либо власти к нему были готовы, либо...

– Либо?

Алиса поджала губы. До этого момента то и дело хотела швырнуть правду Мике в лицо, а как дошло до дела, засомневалась.

– Либо танки на стороне протестующих.

Когда Мика ничего не ответил и даже в лице не поменялся, она пояснила:

– Это переворот.

– Х-ха.

– Вломились в центр прайда – хорошо, допустим, толпа на нервах, ждут стычки с жандармами. Люди в школе – пусть озверевшие от вседозволенности мародеры. Машина на улице – пусть...

При упоминании школы Мика отвернулся и поджал губы. Алиса хотела продолжить, но осеклась и теперь подбирала слова с трудом. У нее всю жизнь только и было, что слова. Она научилась словами пересекать заграничные, попадать в бункеры, проходить по территориям повстанцев. Научилась разворачивать судьбы пойманных в жернова войны людей: бросала слова в эти жернова, и случалось, что это замедляло их беспощадный ход достаточно, чтобы спасти человека, семью, деревню. Она не в первый раз становилась вестником горящего мира, который нес новости людям за пределами пекла. Людям, которые порой этих новостей и вовсе знать не хотели, чтобы те не разрушили стабильный привычный мир.

Мика тоже не хотел. Никто и никогда не хочет знать, что горит именно он. Но чем раньше узнаешь, тем больше шанс побегать с пожаром наперегонки.

– Ты мне поверь, просто поверь, что это серьезно. Не на день. Людей на улице нет, сидят по домам, свет бояться зажечь. Смотрят сквозь занавески и не знают, что смотрят уже на другой мир. А я знаю. Знаю, Мика. Не знаю пока, какой он, но мне нужен интернет и полчаса времени. Сеть лежит, но не вечно же. К утру восстановится, а, может, и быстрее. Переждем здесь, переночуем, а утром я скажу, какой план.

– Какой план?

– Как остаться в живых.

Теперь Мика уже откровенно засмеялся. Алиса выждала немного. Если человек смеется, нужно дать ему сбросить напряжение. Все равно не сможет слушать, пока не перестанет. Но Мика не останавливался. Голос набирал громкость, и остановился он, только когда из спальни донесся приглушенный шум. Тогда Мика оборвался на середине смешка и прислушался. Шум стих.

– Ты-ы, – сказал он Алисе.

– Я?

Мика покачал головой. Тогда Алиса кивнула и подтвердила:

– Я. Я знаю, Мика.

– Я знаю, что мне нужно домой.

– Мы пока не можем домой.

– Это ты не можешь домой, со своими выдумками!

Алиса почувствовала, что колени снова начали ныть. Положила на них ладони, сжала: «тихо, тихо». Сильнее. И еще, так, чтобы стало не лучше от тепла ладоней, а больше от давления. Посмотрела в сторону, на торшер. По лицу Мики пробежала тень.

– Извини.

– За правду не извиняются, – сказала она сухо.

Они помолчали. Мика снова принялся вертеть телефон в руках, а Алиса смотрела на подсвеченный изнутри абажур, пока не заломило глаза.

Они больше не сказали друг другу ни слова за вечер. Мика встал первым, взял тарелку, накрытую салфеткой, и отнес в спальню. Судя по негромким голосам, хозяйка квартиры проснулась, и теперь Мика уговаривал ее поесть, а она бормотала что-то: сонно, по-детски.

Алиса проверила еще раз все окна. Издалека продолжали доноситься звуки, но на улице, насколько хватало обзора, было тихо и безлюдно. Вернулась в спальню. Посмотрела, как Мика ласково с руки кормит хозяйку бутербродами и вытирает мазки айвара с ее губ салфеткой.

– Нужно поесть, госпожа Мария, – приговаривал он и гладил по плечу, когда она слишком быстро пыталась проглотить и заходила в кашле. – Вот так. Хорошо.

У него хорошо получалось. Как будто не впервой. Как будто знал, как нужно разговаривать со взрослыми с разумом ребенка. Или просто с детьми? Алиса представила его в типичной сербской семье: Рождество на сорок человек из четырех поколений. Не складывалось. Не вписывался Мика в обрамление составленных буквой «П» столов под белыми скатертями и батареей тарелок с роштитом, салатами и пирогами, среди тетешканья детей и степенного рас-

куривая сигарет под сливовицу взрослыми. В этой картине Мика изящно сидел на углу стола и в такт музыке в своей голове постукивал кончиками пальцев по кромке чоканя: пам-пам, пам-пам-пам.

– Все тихо, – сказала Алиса. – Сети еще нет. Я спущусь, посмотрю, что там. Если можно, пройду, поищу супермаркет.

Мика молча кивнул, скормил госпоже Марии последний бутерброд и только тогда повернулся к Алисе.

– Я пойду.

– Не надо. Посиди с ней. А то еще напугается опять.

– Хорошо. Тогда подожди.

Мика встал, отнес на кухню тарелку, а вернулся уже с бумажником в руках. Открыл, достал несколько купюр, протянул Алисе.

– Это что?

– Возьми. Если супермаркет найдешь.

– Мика. Там уже вряд ли кто-то...

– Возьми.

Алиса проглотила концовку фразы. Помедлила, но деньги взяла, аккуратно свернула и положила в карман. Уже на пороге, приоткрыв дверь на щелочку и прислушиваясь к недвижной тишине в подъезде, шепотом спросила у Мики, который ждал за ее плечом:

– Тебе что взять?

Мика так же шепотом ответил:

Сигарет. И печенье, «плазму».

Глава 6

На улице пахло кисловатым дымом, паленой резиной и нежным липовым цветом. Алиса сначала приоткрыла дверь в подъезд и втянула носом запах, потом прислушалась и только тогда выглянула наружу. Никого.

На всякий случай подошла к остову машины, заглянула внутрь через открытую дверцу. Проверила водительское и пассажирское сиденье, бардачок, приборную доску. Нашла пачку мятных карамелек, дипломатический паспорт, зарядное устройство от телефона без самого телефона. На заднем сиденье лежала компактная дорожная сумка с выдвижной ручкой. Алиса открыла молнию и заглянула внутрь. Стандартный дорожный набор человека, который в любое время готов улететь спецбортом. У нее тоже такой был дома, до сих пор держала по привычке.

Алиса аккуратно застегнула сумку, вернула на место. Паспорт и карамельки переложила в свой рюкзак.

Маленький супермаркет, какие бывают в каждом квартале, оказался через два поворота. В таких магазинчиках пахло молотым кофе и конфетными обертками, а кассир на входе обычно приветствовал посетителей неизменным «Добрый день, сосед!», даже если заходил случайный турист. Сейчас магазин скалился битым стеклом окна и двери. Дверь изнутри была подперта стеллажом, на заднюю стенку которого с улицы кто-то криво наклеил отпечатанную на принтере листовку.

«Новая Сербия – единая Сербия»

Алиса отклеила листовку, свернула пополам и убрала в задний карман джинсов. Встала под окном, прислушалась. Тихо, только холодильник гудел где-то в глубине. Алиса расстегнула молнию на рюкзаке, просунула внутрь руку до самого дна, сжала кулак и в несколько ударов выбила оставшееся по нижнему краю оконной рамы стекло. Еще послушала. Тишина.

Стиснула зубы, когда забиралась на подоконник: колени заворчали. Оперлась рукой, осторожно спустила ноги на пол. Прищурилась, чтобы глаза быстрее привыкли к темноте. Выкладка на полках во таких магазинах была примерно одинаковой, и Алиса пошла вдоль, привычно снимая с них банки с паштетом, мясными консервами с овощами, пачки крекеров, чайные пакетики и разовые упаковки растворимого кофе. Ближе к концу нашла стеллаж с бытовой химией, упаковала зубные щетки, пасту, бутылочки с антисептиком, пачку прокладок. Обогнула полку в поисках отсека с печеньем.

Кто-то одной рукой сгреб ее за плечи в жесткий захват, а другой ладонью зажал рот.

– Нишкни, – сказал голос на ухо. – Ща приотпущу, а ты тихо скажешь, кто и зачем. Да? Алиса коротко кивнула.

Ладонь немного отпустила, и она смогла вдохнуть. От руки слабо пахло металлом, оружейной смазкой и картофельными чипсами.

– Пресса, – она выдохнула в ладонь.

– Акцент чей? Словенка? Пресса чья?

– Русская.

Хватка на плечах ослабилась. Невидимый человек развернул ее к себе и всмотрелся в лицо. Алиса смотрела в ответ, запоминала. Лицо круглое, нос картошкой, бритый налысо. Татуировки по шее. Широкоплечий, на голову выше, а щечек еще, лет двадцать пять. Несмотря на теплый день, в плотной черной куртке.

– Русская? А на шее что, крестик?

Он ткнул пальцем в цепочку. Алиса кивнула.

– Наша, значит. Братишка.

Будь это и впрямь обычная встреча в супермаркете, Алиса бы отмолчалась. На привычные уже фразочки о славянском братстве и «нас и русских вместе – триста миллионов», кото-

рых Алиса за три года наслушалась от таксистов, продавцов и собачников во дворе, она теперь только машинально кивала. Сейчас зацепилась:

– Ваша – это чья?

– Наша, сербская.

– Какой Сербии?

– Так нашей, – повторил парень. – Единой Сербии. Другой и нет. Звать как?

– Алиса.

– А я Марко. Можешь Маки, как для своих. Чего тут забыла, русская пресса?

С такими людьми нужно было четко и коротко, пока не расслабятся хоть немного. А еще с такими людьми нужно правду.

– Попали в осаду. Нас двое. Будем из центра выбираться, когда на улицах уляжется. Пока нужны продукты. Поделишься, Маки?

Марко хмыкнул.

– Бери, для своих не жалко. Не уляжется только.

– Расскажи, что знаешь.

Марко только головой помотал. Повернулся к полке, пошарил в темноте, хрустнул пакетом с чипсами. Вытянул из пакетика сразу пясть и умял в рот. Протянул пакетик Алисе, и она вежливо достала тонкий картофельный ломтик, от которого шел химический дух обсыпки, маскирующейся под бекон.

– Центр отрезан, – хрустел Марко. – И завтра будет, и послезавтра. Все районы отрезаны. Наши сейчас кучкуются, сегодня у них захват точек. Если жандармиюги шибко толкаться будут, то завтра тоже будут выбивать, а может, и послезавтра. Как выбьют – обращение сделают. Слышь, русская, а у тебя радио есть?

Алиса прокрутила в голове квартиру. Приемника она не припомнила, но мог найтись где-то в кладовке. «Магнитола». Заведет машину от проводов.

– Есть. Зачем?

– Говорю же, наши по радио обратятся, как точки захватят.

На рассказ ушло полтора пакета чипсов, которые Марко все так же жадно ел горстями. Слова падали изо рта вперемешку с крошками. Алиса запоминала все: как готовили очаги восстания во всех крупных городах страны, как дипломатическим представительствам заранее слили наводку и совет эвакуироваться, пока страна не будет отрезана от остального мира, как составляли карту точек, которые нужно одновременно занять, и заранее подсаживали нужных людей, чтобы в одночасье легла сотовая связь, а по телевизору шел только белый шум. Новости собирались передавать по радио. Алиса спросила, как быть с тем, что радио сегодня никто, кроме таксистов, не слушает, и Марко горячо заспорил.

– Почему не телевизор хотя бы?

– Потому что телек весь прогнил насквозь со своим американским говном. Пускай те, кто смотрят, посидят пару дней в тишине, уши прочистят.

– Средневековые какое-то, – прошептала Алиса по-русски.

Марко нахмурился, и она покачала головой: ничего, мол. Тогда он подвел итоги:

– В общем, еды бери с запасом. Завтра никуда не пойдете, послезавтра, скорее всего, тоже. А по улицам сейчас лучше не надо, там патрули будут. Пока пропуска не оформят, не шастай.

– А где пропуска будут оформлять?

– Не знаю. По радио скажут.

– А когда оформят, что потом?

– Смешная ты, русская. Кто ж тебе скажет?

– Ну, есть же какой-то план?

– План есть, – Марко уверенно потрянул головой.

– Какой?

– По радио скажут, – повторил он и потряс головой, как собака, которой после купания попала вода в ухо, как будто хотел вытрясти неудобный вопрос.

Алиса помолчала. Незачем было говорить про десятки таких вот Марко, только Даянов, Каримов и Адджо, которые смотрели в точку, которую считали концом, и не знали, что с нее все только начинается. Даяны, Каримы и Адджо всегда верили, что новый мир вырастет как картонный замок на фоне леса в детских книжках-раскладушках, и не верили, что кто-то наверху уже выдрал страницы из этой книги с мясом и пустил на растопку.

Марко бросил на пол опустевший пакетик. Алиса наклонилась, чтобы его поднять. Скомкала, убрала в задний карман джинсов.

– Послушай, – сказала она. – Здесь радио нет.

Марко, который только что вскрыл с хлопком новую пачку, с набитым ртом сказал только «МГМН».

– Тогда почему ты здесь сидишь?

Хрумканье прекратилось, и Марко с набитым ртом ответил:

– А что, проблемы?

– У меня – только в том, чтобы вернуться с продуктами.

– Ну и у меня все хорошо.

– Ну, хорошо, раз хорошо.

Она нарочно неторопливо начала собирать оставшееся по списку. Когда рюкзак был забит под завязку, взяла на кассе два пакета и так же методично загрузила их. Пока собирала, прислушивалась, как Марко выбрасывает обратно на полку недоеденные чипсы, хлопает дверцей холодильника, вскрывает бутылку газировки, снова берется за пачку и снова выбрасывает. Алиса ждала, кто сдастся первый. Возможно, стоило подождать еще немного, чтобы выиграть этот молчаливый поединок. Если бы в квартире ее никто не ждал, она бы выждала. Но спокойствие соседних улиц могло оказаться недолгим. Нужно было возвращаться.

– Маки? Чипсы закончатся. Кола тоже. А у меня есть радио.

Марко постоял в темноте, побулькал горлышком бутылки.

– Почем знать, что ты меня не сдашь?

– Кому? Патрулям, которые меня же первую заберут без пропуска?

Когда он не ответил, Алиса добавила:

– Уговор. Я тебе – радио, безопасное убежище и план. А ты расскажешь, почему сидишь тут без приемника, в темноте, один, без своих товарищей.

В темноте раздались быстрые шаги, и Алиса едва успела увернуться в сторону, когда Марко быстрым шагом пошел прямо на нее.

– Ты что знаешь о моих товарищах?

– Ничего, – Алиса на всякий случай встала за металлическим лотком для выгрузки продуктов на кассе, чтобы между ней и Марко была хоть какая-то преграда. – Но достаточно. С тобой что-то случилось, Маки. Что-то нехорошее. Тебя кинули.

Марко жахнул кулаком по лотку так, что тот гулко гуднул.

– Завали! Никто меня не кидал, поняла? Они товарищи! Они свои! По одной твари обо всех не судят, ясно?

Алиса подняла руки ладонями наружу.

– Ясно. Поняла.

– Вот и завали! Откуда все знаешь, рассказывай!

– Ты сам все рассказал. Сказал же: «наши». Знаешь про план, но сам почему-то не помогаешь «своим» его реализовывать. Ждешь сигнала по радио там, где радио нет. Боишься, что я тебя сдам. Я просто сопоставила.

Марко замолчал, только тяжело засопел. Алиса ждала.

– Ладно, – сказал он, наконец. – Пошли. Обожду до сигнала.

У Марко не оказалось рюкзака, но на пару они приспособили его куртку в качестве переноски, загрузили наполовину нужными продуктами, а наполовину всем, чем он сам захотел – пацанским баловством. Спросил, кто с Алисой, узнал про Мику, добавил шестерку пива.

На улицу выбрались через окно. Алиса полезла в карман, достала обертку и выкинула в литую урну при входе. Марко ничего не сказал.

К дому шли вдоль стен. Прислушивались. Воздух без привычных вечерних городских звуков ощущался ограбленным как магазин, из которого они шли.

Подъезд встретил все той же гулкой тишиной, которой провожал Алису на вылазку. Когда поднялись на площадку, Алиса постучала в дверь, и, после замерших в ожидании улиц, звук показался слишком громким, заметался пойманной мошкой в барабанных перепонках. Пропла, кажется, вечность, когда в ответ раздалось тихое пошаркивание изнутри.

– Свои, – сказала Алиса обшивку. – Свои.

Глава 7

Почему из всех евангелистов его родители выбрали именно Марка, он никогда не узнал, а почему из разодранной войной Хорватии решили уехать в разодранную войной сербскую Прешевскую долину, никогда не спрашивал.

Дома его звали Маки. В школе городка в долине, где осела семья, прозвали Марко Хорват. Хорватского в нем было три четверти. Мама свои две лелеяла, но втайне от всего городка, а в особенности – от собственного мужа, который, напротив, стремился весь закутаться в свою сербскую половину как футбольный фанат – во флаг своей страны на матче, и скрыть под ней другую. Когда мама не работала, то помогала соседям по хозяйству. Когда отец не работал, он шел в кафану и возвращался затемно, пахнувший тяжелым сигаретным духом и сивушными парами местной ракии.

Совсем маленького Марко воспитывала бабушка, уроженка маленького села, в котором говорили на настолько чудном наречии, что даже отец Марко махал рукой и не считал тещу за хорватку. На правах третьей стороны – ни сербской, ни хорватской, – она порой мирила дочь с зятем, а внука учила тому, что помимо черного и белого бывает что-то третье.

Став постарше, а потом похоронив бабушку, Марко воспитывался сам об мальчишек постарше, которые гоняли в футбол, мечтали о форме «Партизана», в дни матчей зависали у кого-то перед телевизором, а после ходили войной на тех, кто болел за «Црвену звезду». Что-то третье забылось. В детстве их объединяла гордость за своих и вражда против чужих. Когда подросли мальчишки, вырос и враг. Он был расплывчат и многолик. Начинался с НАТО и нехристей-албанцев, не желавших жить по сербским законам, и год от года наращивал один слой жира за другим: католики, Евросоюз, геи, феминистки, Сербская прогрессивная партия, сервис поездок CarGo, коронавирус и 5G. Про вторую половину перечня Марко узнал уже в столице, когда переехал, чтобы работать на стройке и ходить на матчи «Партизана». В столице к отпору врагу подошли с размахом. Чтобы никто не забыл, настоящие сербские патриоты по выходным ставили плакаты с перечнем имен врага у входа в здание правительства, совсем недалеко от нарядных витрин с одеждой, книгами и брошюрами горящих туров в Грецию.

Марко был сербом на четверть, но эта четверть, как волк из пословицы, кормилась страстью отца и покорностью матери, и побеждала. Марко набил двуглавого орла с короной и гербом во всю спину и не пропускал ни одной игры «Партизана», пусть даже в долг. Три хорватских четверти капитулировали бы окончательно, вот только школьная кличка портила красивую чистую победу. Как пристала к нему в школе, так и вилась хвостиком из долины, через Прешево, Буяновац и Вране, до самого Белграда. Среди своих, на трибунах стадиона, в подвальном тире, в баре на районе, в толпе, скандирующей «Гробари, на ноге!», он оставался Марко Хорватом. Смирился. Ему казалось, что называли его так по-братски, добродушно, иногда даже со скупым восхищением насчет того, как сильна сербская кровь против клятого усташизма.

Сейчас, на кухне под желтым абажуром, со второй банкой пива, Марко вдруг сам начал подмечать в своем рассказе то, что просмотрел за последний год. Косые взгляды, обрывающиеся в его присутствии разговоры, сухие рукопожатия, редящее пиво с ребятами: не сегодня, братиш, извини, дела. Когда два месяца назад сформировали их юнит, в нем оказался Петар, внук венгерского дедушки, и Деян, у которого сестра уехала по студенческой визе в Америку, да так и осталась и сейчас собирала документы на гражданство. Марко их обычно сторонился, но сейчас даже шутканул на тему международной бригады, а потом в шесть рук строил с ними баррикады на подступах к Парламенту и стоял в оцеплении, пока их не сменили крепкие мужики: хоть в жандармском, но свои. Юниту разрешили отойти на ближайшую точку и перекурить до следующей смены.

Во внутреннем дворике, у входа в подъезд, парни полезли по карманам за сигаретами. Марко скорее кожей почувствовал, чем разглядел, как странно встали парни из юнита: вроде бы рядом, но так, что они втроем с Петаром и Деяном оказались отдельно от остальных. Потом уже понял, что брали в кольцо. У одного спросили сигарету, у другого в то же время зажигалку, а третий рылся в телефоне, так что для него и повода не понадобилось. Навалились на троих одновременно, попробовали выкрутить руки. Марко еще ничего не понимал, а тренированное в спортзале и на уроках рукопашного боя тело уже действовало само. Вломил затылком по носу. Хруст утонул в вопле. Впечатал локтем под ложечку. Чуть ослабилась хватка – рванул к улице. Запнулся – это и спасло. Услышал только пистолетный треск, а пуля прошла мимо.

Сам толком не помнил, как выбежал из дворика, как обегал людей на улицах и как добежал до супермаркета. Вроде бы окно было разбито до него. А вот дверь изнутри забаррикадировал точно он. Или нет?

Сейчас они сидели за столом втроем. У каждого – алюминиевая банка и сигарета. Язык солонило от пива и щипало от никотина. Пепел стряхивали в блюдце. Марко рассказывал свою историю вроде бы обоим, но обращался к Алисе, а к Мике повернулся боком и разве что изредка стрелял в него косыми взглядами. Он и пивом с ним поделился с опаской, когда после приветственного рукопожатия узнал, что Мика новых политических взглядов не придерживается, а по жизни занимается тем, что танцует и учит этому других.

Марко нахмурился и спросил:

– Ты из *этих*, что ли?

– Из каких?

– Ясно.

За рассказом не слышали шагов в коридоре. Когда хозяйка квартиры вошла на кухню, парни, не сговариваясь, спрятали пиво под столешницей, а Алиса сделала медленный глоток и затянулась. Госпожа Мария открыла стенной шкафчик и достала пепельницу. Подошла к столу, поставила ее, а взамен взяла открытую пачку и неожиданно элегантно двумя пальцами вытащила сигарету. Посмотрела на Мику. Он смущенно улыбнулся, поставил пиво на стол, достал из кармана зажигалку и щелкнул колесиком. Хозяйка квартиры затянулась и выпустила в потолок длинную тонкую струйку дыма. Присела за стол и курила так медленно, что в перерывах между затяжками на сигарете нарастал столбик пепла.

Радиоприемник, который нашелся в спальне, теперь стоял рядом с диваном. Сначала они покрутили колесико и убедились, что по всем станциям передают одно и то же: тишину, которая раз в пятнадцать минут прерывалась коротким сообщением.

«Призываем граждан сохранять спокойствие и для вашей же безопасности не выходить из домов. Ожидайте трансляцию на частотах...»

Маки крутанул колесико на нужную частоту, но и там пока что крутили то же сообщение с той же периодичностью.

– Не понимаю вашу современную музыку, – сказала госпожа Мария.

К полуночи Мика клевать носом. Госпожа Мария принесла ему плед. Мика смешно укутался и забился в уголок дивана. Алиса и сама едва сидела. Голова стала тяжелой, ноги гуттаперчевыми, язык обволокло хмельной лентой. Разговоры все равно закончились, и теперь все четверо молчали. Марко выставил на стол оставшиеся три банки.

– Расслабьтесь чуток. И поспите. Подежурю первый.

– Не надо бы, – сказала Алиса.

– Ты первая расслабься, русская, а то сидишь такая... Танцор балета вон все правильно делает.

– Танго.

– Не один хрен?

Марко сам вскрыл банку и всунул ей в ладонь.

Алиса перебралась на диван, устроилась в противоположном углу. Поджала ноги и по глоточку вытягивала слабую солоноватую жидкость. Хмель брал свое постепенно. Тоненькими слоями, словно кожицу с луковицы, стягивал с нее ответственность. Прямо сейчас она не должна сторожить. Не должна знать. Не должна принимать решения. Перевела замутившийся взгляд напротив, на мальчишку, который уже задремал под пледом. «Опять ведь проспит, едва не опоздает вернуться в казарму».

Алиса потрясла головой. Сделала еще глоток.

Не должна защищать.

Без луковичных слоев она чувствовала себя голой, как будто выставила перед всеми выпирающие ребра, сделанную по молодости татуировку под левой грудью, складку на животе, тощие бедра, отекавшие колени.

Мальчишка заворочался во сне, и она захотела подвинуться, чтобы поправить сползший плед, но госпожа Мария которой, похоже, не спалось ночами, наклонилась и поправила сама. Алиса поджала колени к груди.

Марко разбудил ее в самый темный час. Потряс легонько за плечо. Алиса открыла глаза сразу, и он аж дернулся:

– Бре, русская. Ты как сыч. Думал, не спишь. У тебя глаза во сне приоткрыты, знаешь?

На кухне было душно, под потолком все еще висел пивной дух и призрак сигаретного дыма. Во рту было кисло. В глаза словно песка насыпали. Хотелось пить.

Марко подождал еще десять минут, пока Алиса наскоро чистила зубы, умывалась и напивалась водой из-под крана. Мика все так же свернулся на диване, госпожа Мария вернулась в спальню, и пока все спали, Марко забрал приемник и обосновался в комнате с буфетом.

– Наблюдательный пункт, – похвастался он.

– Выжидательный, – пошутила Алиса, а когда он в ответ вопросительно хмыкнул, махнула рукой. – Иди поспи. Станет полегче.

Она отодвинула штору так, чтобы из кресла была видна узкая вертикальная полоска со слоями неба, крыши и стены дома напротив. Сидела, отсчитывала время по повторяющемуся сообщению в эфире. В шестом часу чернильное небо начало разбавляться первыми лучами солнца. Чернота уступала место серому, а оно понемногу превращалось в звенящее голубое.

Три года назад самое первое белградское утро встречало ее таким же умытым звенящим голубым, отраженным в окнах югославских многоэтажек. Она только за полгода привыкла к тому, что новый день теперь всегда врывается в приоткрытое на ночь окно птичьим гомоном, кофейным запахом «первой утренней» из соседних квартир и вкрадчиво заползающим в щели жалюзи полотнищем теплого желтого света, которое накрывало ноги до колен, целовало и грело кожу. Два раза в неделю к этому добавлялся скрипучий механический голос.

Когда Алиса услышала его впервые, вздрогнула и прижала подушку покрепче. Такой голос люди слышат в кино, где по сюжету всем евреям приказывают собраться на главной площади с вещами. Такой голос Алиса слышала наяву, когда всем мусульманам Сараево или мирным жителям Алеппо предлагалось сидеть по домам для собственной безопасности. Но никто не стучал в ее дверь, не торопил взять всегда готовую дорожную сумку с вешалки в коридоре, и постепенно Алиса привыкла. Просыпалась под скрежет из динамика, который ездил на крыше облупленного фургона с проржавевшими боками, но подушку уже не сжимала. Через пару месяцев стала различать отдельные слова, а через полгода пазл вдруг сложился сам по себе. Алиса готовила чай, да так и встала с тяжелым чайником в одной руке и кружкой в другой. Расхохоталась так, что кипяток расплескала.

«Вывозим ненужные вещи, чистим ваши подвалы. Вывезем бесплатно. Покупаем старую мебель и бытовую технику».

Мусорная мафия белградских цыган выезжала на очередной рейд.

«*Призываем граждан сохранять спокойствие...*» – откликнулся на воспоминания голос из радио.

Алиса подошла к окну, прислонилась плечом к стене и отодвинула штору подальше. Потянулась рукой к защелке фрамуги и приоткрыла створку, чтобы впустить в комнату вкусный утренний воздух. На раскуроченную машину внизу старалась не смотреть.

– Знаешь, как я поняла, что останусь? – спросила вслух.

Мика, который едва успел шагнуть на порог комнаты, остановился.

– Меня что, слышно? Я без ботинок.

– Я тогда села на первый спецборт, куда с синим жилетом пускали. Даже не спросила, куда. Нас с военного аэродрома повезли в центр, а я в окно увидела крепость. Упросила там меня и высадить. При себе ни денег местных не было, ничего. Села в кафе, а там карточки не принимают. И официант просто сказал, что заведение угощает, представляешь? А вокруг люди. Детей выгуливают, собак. Собакам мячики кидали, а дети просто так бегали везде, визжали. Кофе пьют за деревянными столами, на солнце шуряются, целуются. Как будто ничего в мире больше нет, кроме их кофе, детей и собак. А я сидела и думала: у вас же война была двадцать лет назад. Им всем по десять-двенадцать было, когда город бомбили. Их родители на мостах стояли, взявшись за руки, чтобы пилоты снаряды не сбрасывали. Ты, наверное, совсем маленький был?

Мика не ответил, и она продолжила:

– Как вы так это умеете, Мика? Кофе, солнце, собак, детей? Мы вот не умеем – русские. У нас поперек лба тянется вечная боль. Знаешь, такой бумажной ленточкой, как покойникам в церкви на отпевании надевают. Видел когда-нибудь? У нас эту ленточку родители детям надевают при рождении, а те – своим. Как семейную реликвию передают. Она в нас вырастает и крепчает с каждым поколением, глубже в лоб въедается, до кости, до мозга. Мы так не умеем, с солнцем, собаками и кофе. Либо в Москве на модной террасе, с безбожным чеком за пафос, либо водку стопками, чтобы хоть на время давить перестало. Я тогда решила, что останусь. Может, тоже собаку заведу.

Она вытянулась вдоль оконной рамы во весь рост и скрестила руки на груди. Говорила, не оборачиваясь, и знала, что Мика стоит сейчас в дверях. Наверное, такой же, как всегда: прямой, звонкий. Сам как чашка крепкого кофе на террасе в солнечный день. Такой солнечный, что теплые лучи пробивались даже сквозь затуманенный деменцией разум хозяйки квартиры, которая доверчиво ела с руки Мики. Откуда он так умеет?

– Откуда ты знаешь... – начала Алиса, но вопрос не закончила.

Радио тихонько закашляло статикой, а затем раздался длинный высокий звуковой сигнал. *«Говорит радио «Свободный Белград»...»*

Алиса развернулась. Метнулась к приемнику. Чуть не столкнулась лбами с Микой. Выкрутила громкость. Из кухни послышалась тяжелая возня, и вот уже сонный Марко ввалился в комнату, запнувшись на пороге.

«Сограждане! Мы вместе находимся в непростой ситуации на пороге новой жизни. Вот уже долгое время страной управляют предатели, продавшие сербскую нацию врагу. Мы говорим: хватит это терпеть! Вчера объединенные силы патриотов, искренне преданных своей родине, сделали решительный шаг. Их поддержали неравнодушные граждане. Единным фронтом, единой силой, единой любовью к Сербии мы выступили против ложной и насильственной власти. Вчера улицы нашего города наконец-то превратились в дороги свободы, которую мы час за часом удерживаем открытой для прекрасного будущего нас и наших детей. В ходе действий объединенных сил Новой Сербии нашими стали: Народная скупщина, генштаб, министерство иностранных дел, радио «Белград»...»

– Про Новый Белград молчат, – сказал Марко.

– И про Баньницу, – сказал Мика.

Алиса молча рисовала в голове карту города, пока голос перечислял объекты, которые успели занять повстанцы. После списка голос зачитал оставшийся текст о великой миссии сербского народа и уникальном сербском пути, о возвращении власти истинным хозяевам, о великих целях новой страны и единстве, которое должно было наступить для всех граждан и настоящих патриотов. Алиса мысленно делала синхронный перевод с птичьего языка публичных заявлений на человеческий.

«Для вашей безопасности призываем вас сохранять спокойствие, не выходить из ваших домов и молиться за нашу победу. Мы оповестим вас о дальнейших событиях в следующей трансляции. Новая Сербия – единая Сербия. Нет предательству. Только вперед. Говорит радио «Свободный Белград». Сограждане!..»

Трансляция пошла по второму кругу. Значит, не прямая – записали заранее и зациклили в эфире. Что еще изменилось с тех пор, как диктор бесстрастно начитывал новости в микрофон?

Мика первым потянулся и выключил приемник.

– Это что? – спросил он и посмотрел на Марко.

– Это переворот, – ответила Алиса.

– Это справедливость, – сказал одновременно Марко.

– Я не понял.

– Я объясню. А Маки поправит, если нужно.

Марко поправлял много, но только слова, а не суть. С сутью согласился: это и правда переворот. Начало было похоже на очередной протест, на которые горожане за последние пять лет стали ходить почти с той же регулярностью, что и в кофейни и пекарни. В этих протестах уже привычно стали объединяться группы с разной повесткой дня, от оппозиционных политиков до «зеленых» активистов, от скинхедов до студенчества. Все, кто были недовольны решениями действующей власти. Вот только сейчас на сторону толпы встали те, кто раньше традиционно стояли за власть.

– У них армия, – перечисляла Алиса. – Может, не вся, но достаточно, чтобы выпустить на улицы военную технику. С ними полиция, жандармы. Кто-то должен был отдать приказ, значит, часть государственной машины в этом замешана. Это не переворот снизу вверх – извини, Маки, мне очень жаль. Это пауки из одной банки, которые жрут друг друга.

– Слышь, русская!

Марко хрустнул костяшками пальцев. Алиса только рукой махнула, продолжила:

– Удар спланировали, хотели занять разом все стратегические точки. Маки, ты говорил, и на Новом Белграде должны? Палату Сербия? Банки?

– Только не заняли, – сказал Марко. – Не все.

– Только центр назвали, – подтвердила Алиса. – Что-то пошло не так. Но все равно преимущество отыграли. Дальше будут выбивать сопротивляющуюся власть, откуда еще не выбили. Так, Маки?

– Власть здесь мы.

Алиса сдержала вздох.

– Ну, хорошо, хорошо. Старую власть.

Мика сидел, схватившись руками за голову. Запустил пальцы в темные волосы и массирует виски большими пальцами.

– Не понимаю, – повторил он.

Марко повернулся к нему и несильно ткнул кулаком в плечо:

– Чего не понятно, танцор балета?

– Маки, не надо, – сказала Алиса.

– В балете не учат, как родину любить?

– Маки!

Мика вскинул голову и посмотрел почему-то не на Марко, а на Алису.

– Я вас не понимаю, – сказал он. – Все, что вы говорите. Переворот. Армия. Стратегические точки. Любовь к родине. Из домов не выходить. А что делать с теми, кто не дома? Кто-то ведь застрял на работе? В школе? В гостях, в конце концов? Они же должны им что-то предложить? Какой-то выход?

Марко коротко заржал, но перехватил взгляд Алисы, оборвал смешок и пожал плечами.

– Я что-то смешное сказал? – сухо спросил Мика.

Марко промолчал.

– Мика. Ты пойми, пожалуйста. Они больше ничего никому не должны.

– Родине все должны!

– Маки, пожалуйста! Поставь чайник. Нам нужен кофе.

Когда он вышел из комнаты, Алиса поднялась, чтобы прикрыть дверь. Не стала возвращаться на место, вместо этого встала спиной к двери как часовой на вахте.

– Никакой родине никто ничего не должен, – сказала она, глядя поверх головы Мики. – Нет больше родины, кроме той, которую сварили в собственных головах люди, чьих имен мы, может, и не узнаем никогда. Сварили и скормили тем, чьими руками сейчас делают всю работу. А больше ничего нет. И...

– И?

Алиса махнула рукой, но Мика оказался неожиданно настойчив. Уперся в нее взглядом, прищурился, и она впервые увидела, как по его лицу промелькнуло что-то чужое, недоброе.

– И не будет. Может быть, долго.

– Ясно.

«Да что тебе ясно?».

Мика встал, подошел к окну. Отдернул широким жестом шторы до конца, и Алиса ничего не сказала. Открыл створку пошире. Глубоко вдохнул.

– Послушай, у нас есть крыша над головой. Продукты. Марко знает не все, но что-то знает. Свет есть, вода есть. Переждем, дождемся новостей. Посмотрим, где безопаснее. Может быть, найдем коридор, по которому...

– Замолчи, – тихо сказал Мика, не поворачиваясь.

Так тихо, что Алиса с первого раза и не услышала, продолжила на автомате:

– ... по которому сможем...

– Замолчи!

Слово вылетело из раскрытого окна и заметалось подстреленной птицей по мертвой улице, натываясь на пустые окна и серые стены, пока не упало на остов машины и не замерло на обожженной крыше. Алиса коротко дернулась как от прицельного удара в диафрагму. Обожгло, выбило воздух.

– Пожалуйста, – уже шепотом сказал Мика, и теперь она слышала его очень хорошо. – Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, замолчи.

Алиса молча развернулась, открыла дверь и вышла из комнаты.

Глава 8

Время в горячих точках засчитывается солдатам в двойном объеме, день за два. Никто не знает, справедливо ли это. Привычное мерило – часы, минуты, секунды – больше не работает. Время начинает то тянуться расплавленной на летнем солнце жвачкой, которая вытянулась ниткой между горячим асфальтом и резиновой подошвой чьего-то кирзового сапога, то свистит мимо уха со скоростью пули, выпущенной из винтовки «галиль». На территории, охваченной войной, иное, неэнштейновское понятие времени. За сутки можно постареть на десять лет. Секундами исчисляются люди, с которыми больше не потравишь анекдоты и не выпьешь из одной фляжки. Годы мирной, цельной жизни перечеркиваются такими единицами времени, для которых и названия-то не придумали, потому что обычно человек их просто не замечает.

Часы на кухне госпожи Марии встали. Мика поискал ключ, но гвоздик, вбитый в боковину корпуса, пустовал. Сама госпожа Мария только винила Йоцу за то, что весь в делах и вечно все теряет, никакого порядка в этом доме.

Приемник вернули на кухню. По нему как заведенное крутилось одно и то же сообщение. Алиса настаивала оставить хотя бы минимальный звук, Мика был против. Марко внес в спор решающий голос, и Мика, забрав свою кружку, пошел сидеть в спальню. Теперь обращение к согражданам и призыв молиться за повстанцев тихо бубнил у ножки дивана. Алиса поднялась было со стула, но Марко поцокал языком:

– Посиди, русская. Поговорим.

Шторы оставались задернутыми, и только по узкой полоске сбоку можно было понять, что за окном день вступил в свои права. Выпили по две кружки кофе, а разговор не закончился. Алиса достала из рюкзака блокнот и делала быстрые пометки.

– Массовая забастовка таксистов два года назад?

– Это не наши, – уверенно сказал Марко. – Шушера эти таксисты. Мафия. Себе на уме. Только бы нагреться на чужих карманах.

– Тогда почему столько машин с шашечками на баррикадах?

– Может, у них гражданская позиция!

– Ты же только что сказал, что они мафия.

Марко зыркнул так, что Алиса добавила:

– Хорошо, пусть будет мафия с гражданской позицией. Что насчет протестов против застройки набережной? Помнишь, такие, с желтыми утками? Против элитного комплекса жилья?

– Это народ! Стихийно объединились!

– Не пойму, Маки. Ты говоришь, что все спланировано заранее, а как начну расспрашивать, все у тебя спонтанно и по воле народа.

– Ну, народ объединился и спланировал! Чего докапываешься, русская? Теории заговора строишь?

– Работа у меня такая. Была.

– А куда сплыла?

– Неважно. А про таксистов ты прав. Кто тут у вас в водители идет? Мужчины средних лет, которые хотят подзаработать. В основном, уж извини, не великого ума и не склонные к рефлексии. Что кум за ракией сказал, то, значит, и есть правда. Вот уж кто точно верит в теории заговоров. В Ватикан и геев, которые хотят захватить мир.

Марко засопел, но промолчал, а Алиса продолжила вслух, словно сама с собой разговаривала:

– Их легко накрутить, выгнать на улицы. Все сходится. Протесты с утками, забастовка таксистов, выступления недовольных студентов, молебные ходы против сепарации Косово

каждые выходные в центре, сидячий протест у Парламента после ковидного карантина в прошлом году. Ты прав, Маки, это и правда мафия. Поводили зажигалкой, подогрели, да и запалили фитилек. Балканы – вечная бочка сухого пороха, каждые двадцать лет что-то да рванет.

– Просто люди устали это терпеть!

– Какие люди? Какие, как ты думаешь, люди, заранее позаботились о том, чтобы из Сербии эвакуировали дипломатов? Простой народ? Твои ребята?

– Мои ребята – патриоты! Не звери же!

– Что бы сделали твои ребята, Маки, попадись им американский консул на улице? Проводили бы до ближайшего убежища, где он бы дождался эвакуации? Машину у подъезда видел? У нее номера дипломатические. Это не народ. Народ сейчас на улицах продолжает штурмовать стратегически важные точки, а те, кто затеял взрыв бочки, сидят сейчас в безопасных кабинетах и наблюдают. Что в головах у народа, я примерно представляю. Мне нужно знать, что в головах у этих, из кабинетов. И что бы там ни было, это, уж извини, точно не благо Родины.

Марко еще посопел. Сжал широкую пухлую ладонь на кружке.

– Ты, русская, конечно, братишка. Но Родину не трожь, поняла? Что ты про Родину знаешь?

Три года в добровольном изгнании, где Алиса пряталась от всех, кто мог ее разыскать, и писала рекламные тексты и эссе для американских студентов на заказ, чтобы платить за крошечную студию, кофе и свежие плюшки из пекарни. До этого – больше двадцати лет между Ближним Востоком и страной, которая перестала быть домом и превратилась в перевалочный пункт вроде гостиницы для журналистов. Алиса посмотрела на Марко, и уголки губ поползли в кривой, на половину лица, улыбке.

– Ничего, – сказала она. – Я действительно ничего не знаю про Родину. Давай завтракать.

Разделили обязанности. Марко ушел в другую комнату, прижимая к груди кочующий по квартире приемник, и сначала было слышно, как он включает его в розетку и прибавляет громкость, а потом Мика попросил сделать потише, чтобы не разбудить госпожу Марию, и Марко закрыл дверь. Алиса с Микой в четыре руки принялись за завтрак. Он вскрывал банки, и, пока она разогревала содержимое на сковороде, резал хлеб на бутерброды: часть с оставшимся с вечера паштетом, часть с засахаренным джемом. Убрались тоже сообща. Сложили в пакет банки, очистили и вымыли пепельницу, перемыли посуду.

– Хочешь, окно откроем? – спросила Алиса.

Мика пожал плечами, и тогда она собрала два полотнища ткани ближе к центру. По краям получились две узкие длинные бойницы, через которые солнце косо ложилось на кафельный пол.

Завтрак для госпожи Марии Мика отнес в спальню, но сразу же и вернулся.

– Спит. Ты что делаешь?

Алиса успела поставить тарелки с подогретым овощным рагу, доску с бутербродами и кружки с кофе на пол у окна, прямо в широкие полосы теплого света, и теперь открывала ящики в поисках салфеток. Она не обернулась в ответ на вопрос, только пожалала плечами и сухим тоном сказала:

– Сидим в темноте вторые сутки. Это плохо для здоровья.

Задвинула последний ящик, в котором салфеток так и не оказалось, и теперь повернулась, забегала глазами по шкафчикам, как будто прикидывала, где еще можно поискать. Спросила, все так же не глядя на Мику:

– Ты не против, если мы на солнце?

– Можем и на солнце.

– Можно плед взять, чтобы удобнее.

– Давай возьмем.

Она постелила плед неловкой буквой V: так, чтобы получилось сесть почти напротив друг друга. Отнесла тарелки в соседнюю комнату, где Марко дежурил в обнимку с приемником. Вернулась. Мика уселся по-турецки, и Алиса осторожно опустилась рядом, опираясь для верности обеими ладонями в пол, и вытянула ноги так, что ступни почти касались кадки с фикусом.

– Приятного аппетита?

– Приятного.

Алиса поддела рагу на вилку и подняла брови, когда увидела, что Мика вместо тарелки тянется за бутербродом с джемом и запивает кофе. Хотела сказать, что остынет, холодным будет невкусно, но не стала. Вспомнила ресторан напротив школы. Кирпичные стены здания, просторный внутренний двор со столиками под посаженными в большие керамические горшки оливковыми деревьями. Перед занятиями она иногда заходила туда выпить кофе и смотрела, как ловко снуют официанты в длинных черных фартуках, разнося по четыре тарелки с чем-то пестрым, сочным, разноцветным. Иногда туда же заходили другие ученики из ее группы, танцоры постарше и сами инструктора. Махали Алисе, салютовали чашками и бокалами, она поднимала в ответ руку с открытой ладонью, а потом торопливо делала глоток и отводила глаза, чтобы не вздумали подзывать присесть к ним. Так и не узнала, стал бы ее кто-нибудь приглашать, если бы не отводила.

– Ты бы поел. На хлебе с джемом долго не пробегаешь.

Мика промолчал. Тогда Алиса пододвинула к нему тарелку.

– Хочешь, мои тоже возьми. Мне хватит.

– Нет, спасибо.

Они продолжили молча. Алиса подвинулась так, чтобы солнце падало поперек колен, и чувствовала, как противная ноющая глухая боль в суставах мало-помалу рассасывается в тепле. Смотрела искоса, как изящно Мика держит в пальцах ломоть булки с темным вязким джемом, и вспоминала, как он кормил с руки хозяйку квартиры и вытирал ей перепачканные губы.

– У тебя большая семья?

Мика ответил не сразу, сначала прожевал, запил из кружки.

– Мама. Сестренка. Отец.

– Старшая? Сестра?

– Младшая. На четыре года. Ей восемнадцать.

– А я думала, у тебя племянники есть.

– Двоюродные. И троюродные.

– А на праздники вместе собираетесь?

Мика снова помолчал. Потом ответил, держа на весу кружку двумя ладонями.

– Двоюродные в Будапеште. Троюродные в Германии и в Суботице, на венгерской границе. Мои в Белграде. Отец в праздники то в клинике, то в командировках. Ты обещала сказать, что мы будем делать дальше.

Теперь замолчала Алиса. Они просидели над тарелками и стынувшим кофе столько, что снаружи облака начали затягивать небо, а белые полосы света стали тускнеть, пока совсем не исчезли.

– Подождем новостей, – сказала, наконец, Алиса. – Ты сам слышал. Город перекрыт на сектора. Там штурм. Толпа. Но люди не будут вечно сидеть по домам. Им есть нужно. Больницы должны работать. Марко сказал, будут патрули, пропуски. Их можно где-то достать. Выменять. Украсть. Можно подкупить патруль, можно уболтать. Я что-нибудь придумаю, Мика, честно. Мне только нужно, чтобы вместо толпы появились люди, с которыми можно поговорить. Мы не дипломаты и не сотрудники взятых на карандаш учреждений. На нас никто не охотится. Подождем еще немного.

– Ты уже выходила в город, – возразил Мика. – И вернулась. Даже не одна. Значит, можно идти.

– Это было ночью и по ближайшим улицам.

– За окном тихо, ни звука не доносится. Можем пойти прямо сейчас.

– Мика, я знаю, что обещала...

– Я могу пойти прямо сейчас.

Алиса со стуком поставила кружку на пол. Вдохнула, как сквозь облако газа собралась пробираться.

– А госпожу Марию со мной оставишь?

Это было нечестно, она знала. Может быть, почти так же нечестно, как то, насколько искривился сейчас рот Мики, как прищурились коньячного цвета глаза, как он весь подобрался и начал вставать с пола. Может быть, не нужно было продолжать цепочку несправедливостей, а нужно было погасить ее как огонек на бикфордовом шнуре, пока не добрался туда, где будет поздно. Может быть, не поздно еще погасить.

Дальше все произошло очень быстро. Мика вставал. Алиса уперлась ладонью в пол и перевалилась на бедро, чтобы подняться. Задрожало оконное стекло. Мика выпрямился. Алиса подтянула ноги. Вслед за тонким дребезжанием донесся нарастающий гул. Инстинкт сработал мгновенно – Алиса упала обратно на пол и потянулась, чтобы схватить Мику за лодыжку. Он сделал шаг, пальцы схватили пустоту. Гул усиливался, нарастал уже со свистом. Мика обернулся. Алиса увидела, как раздраженная гримаса превратилась в почти детское удивление. Схватила все-таки за лодыжку, рванула. Мика пошатнулся, но удержал баланс. Алиса рванула еще раз. Тогда он упал на нее сверху, едва успев выставить руку. Она прижала его неловко к груди, оттолкнулась от пола. Перекатились к окну, когда рвануло и осколки брызнули внутрь.

В ушах звенело. Гарь жгла слизистую. На изнанке век расцветали красные и зеленые пятна. Алиса почувствовала, как что-то тяжелое ворочается в ее руках. Мика вывернулся, на нетвердых ногах поднялся, сделал качающийся шаг, другой. Алиса скорее угадала, чем услышала, что он кричит имя хозяйки квартиры.

Она сама не знала, откуда взялись силы на тигриный прыжок. Обняла его за колени, вниз утянуть не смогла, только прижалась грудью, обвила руками и бормотала по-русски:

– Нет. Нет. Нет. Не пущу. Нет. Не пущу.

Где-то в квартире кричал Марко. Кричала госпожа Мария. Кричали из разбитых окон невидимые люди. Алиса кашляла, жмурилась, держала Мику как боксер в клинче, и как молитву перед аналогом повторяла:

– Я тебя не отпущу. Я тебя не отпущу.

Глава 9

Из разбитого окна тянуло едкой гарью и кислым огненным духом. Слышались крики людей, похожие на скорбные чайчи вопли. Где-то выли сирены.

Мика вырвался из рук Алисы. На нетвердых ногах, спотыкаясь и натываясь на мебель, пошел в спальню. Алиса плохо помнила, как дошла за ним: кажется, доползла на коленях до порога кухни, потом по стенке поднялась, в коридоре снова упала на четвереньки, и тут ее подхватил Марко. Закапало теплым на кожу: из рассеченной осколком брови по его лицу лилась кровь, и Марко то и дело утирался рукавом, который уже промок насквозь. Он повел было Алису в комнату, но та упрямо замычала, мотнула головой в сторону другой двери.

Госпожа Мария сидела на кровати невредимая, прижав к груди подушку и поджав ноги. Она раскачивалась из стороны в сторону и сквозь сжатые губы тянула монотонный тоненький звук. Лицо ее совсем сморщилось и напоминало некрасивые личики новорожденных, которые уже в первый час своей жизни выглядят как маленькие старички.

Мика сидел рядом и гладил ее по ступням в шерстяных носках. Чем дольше гладил, тем тише становился звук, пока из воя не превратился в тихое посвистывание. Алиса стояла в дверях, держалась за косяк и смотрела, как в едином ритме двигалась рука Мики и вздымается и опускается грудь госпожи Марии. Сама Алиса дышала тяжело, с трудом проталкивая воздух в легкие по расцарапанной дымом носоглотке.

Она не в первый раз видела, как Мика двигается с кем-то в одном ритме, как держит в руках чье-то тело, которое отзывается на касания, скользит по танцевальному паркету, по кошачьи переставляет ступни на острых каблуках, послушно разворачивается бедрами в узкой юбке с глубоким разрезом, касается прядями волос уха Мики. Все это повторялось из раза в раз каждое занятие, каждую милоггу, в каждом новом видео на страничке школы в фейсбуке. Каблуки, бедра и пряди имели на Микку все права, и это Алиса могла понять. Но для старческих рук с варикозной сеткой вен и ног в шерстяных носках объяснения не было. Что-то чуждое, недоступное происходило сейчас на кровати.

Где-то вдалеке жажнуло. Еще взрыв.

На улице кричали. Доносились обрывки фраз: «...воды!», «гаси, гаси её!», «...пожалуйста, пожалуйста!».

– Надо уходить, – сказал Марко. – Там бегают, руками машут. Прорвемся под шумок.

– Тебе умыться надо, – сказала Алиса, не глядя на него.

– На себя посмотри, чумазая как черножо...

– Сале! – раздался охрипший от дыма голос. – Сале, при гостях не выражаются!

Госпожа Мария смотрела прямо на Марко и качала головой.

– Взрослый уже, в пятый класс пошел, а ведешь себя как маленький. Иди в свою комнату и вернись, когда будешь готов вести разговор вежливо.

Марко в очередной раз провел по лицу рукавом и часто заморгал. Булькнул горлом. И еще раз. Только с третьего из горла прорвался рваный смешок. Алиса сама почувствовала, как что-то спазмом сжимает глотку. Попыталась откашляться. Собственный смех вороньим граем покинул горло, смешался в воздухе со смехом Марко. Так они и стояли вдвоем, не глядя на друга, и сипло смеялись, пока Мика только взгляд переводил с одного на другого.

– Идите оба умойтесь, – наконец, сказал он. – А то правда как маленькие.

Успокоившаяся было Алиса снова прыснула и зашлась в хохоте. Марко, глотая воздух между приступами, сказал:

– На себя-то глянь, танцор балета! Совсем не маленький! Сидишь такой. Старушку гладишь. С пары пива тебя развозит. На улицу девчонку вместо себя послал.

На каждой фразе Алису только больше развозило, выбрасывало из глотки новую порцию смеха. На последнюю она тоже по инерции хохотнула, хотя спину уже обдало противным холодком. Надо остановиться. Но смех толкался и толкался, и не было другого способа его закончить, кроме как дать выплеснуться до конца.

– М-марко... – все-таки выдохнула она.

– Тебе, танцор балета, семь лет. Так что сам сходи умойся!

– Марко.

– А то чумазым в школу не пустят!

– Марко!

Наконец, смех прекратился, и Алиса рывкнула на верхушке легких. Одновременно с ней госпожа Мария приподнялась на кровати и строго сказала:

– Дети!

Замолчали все трое. Марко переминался с ноги на ногу. Алиса потупилась и только искоса поглядывала на кровать. Мика снова успокаивающе погладил женщину по ступне, но она изящно сбросила его руку одним сдержанным движением.

– Вы мешаєте Йоце работать. Играйте потише.

В комнате стало тихо. Всех четверых накрыло тишиной как тяжелым шерстяным одеялом. Крики с улицы остались снаружи, толстая ткань их не пропускала. Может быть, вот так выглядел мир госпожи Марии, подумала Алиса. Может быть, она живет под эти одеялом как в детском домике с каркасом из стульев. Почему-то в этом домике из стульев пелена истерики начала спадать. Трое спорящих посмотрели друг на друга молча. Марко первым сделал шаг вперед:

– Уходить надо. Сейчас. Пока не рвануло снова.

От его слов пробилась брешь в одеяле. Снова зазвучала охваченная паникой улица. Снова запахло дымом. Алиса кивнула:

– Я поищу, есть ли тут еще рюкзак.

– Я за припасами.

– Приемник надо упаковать.

– Само собой.

Она задержалась на минуту, когда Марко вышел. Достаточно, чтобы сказать Мике:

– Я соберу лекарства, какие найду, и обыщу ящики. У таких, как Йоца, бывает оружие.

Ты не против?

Алиса смотрела на Мику. Мика смотрел на госпожу Марию. Госпожа Мария смотрела на фотографию на комод, все еще хмурилась и беззвучно шевелила губами. Наверное, рассказывала Йоце о том, как соседские дети опять разыгрались на весь дом.

– Госпожа Мария? – позвал Мика. – Я вас оставлю ненадолго, хорошо? Я рядом. Нам нужно собраться. Мы пойдем на прогулку, хорошо? Я и вы.

– Йоца работает.

– Господин Йоца сделает перерыв и прогуляется вместе с нами. Врачи ведь сказали, что ему полезно быть на свежем воздухе? Можно, я помогу собрать его вещи, чтобы не отвлекать, пока он заканчивает работу?

– Какой у нас хороший мальчик в гостях, Йоца. Вежливый. Не помню только, чей он племянник.

Только тогда Мика повернулся и сказал Алисе:

– Я сам поищу в спальне.

Сначала все втроем умылись по очереди в ванной. Алиса нашла бутылочку с перекисью. Ваты не было, так что смочила салфетку, обработала рассеченную бровь Марко под его недовольное шипение и залепила пластырем. Мика помог госпоже Марии дойти до ванной, намочил полотенце и осторожно протер ее лицо, помог вымыть руки.

Собирались споро, под аккомпанемент неутихающих криков и плача, под бухающие где-то вдалеке залпы, под звук топота ног из подъезда. Слова тратили как воду из последней бутылки на марше: скупое, по делу. Только один раз сорвались и поспорили с Марко, стоит ли взять бутылку ракии, которая запоздало нашлась в кладовке. А вот пистолета не нашли, как и рюкзаков. Пришлось обойтись Алисиным.

Она спешно вынимала из него свои вещи, чтобы решить, что взять, а что оставить. Блокнот. Два мягких пенала, купленных в сувенирном магазинчике на туристической пешеходной улице Князя Михаила: одна с ручками и карандашами, другая с обезболивающими, пластырями, активированным углем и антибактериальными салфетками в индивидуальных упаковках. Книжка в мягком переплете. Зарядное устройство от телефона. Визитница с картонными карточками, которые она собрала за три года от таксистов, со стоек книжных магазинов и на кассах антикварных лавочек. Зажигалка – сама Алиса упорно бросала, но носила по привычке, вдруг кто-то попросит прикурить. Ключи от квартиры. Новенькие танцевальные кроссовки, купленные неделю назад в бутике на Дорчолле, где на полках стояли нарядные пары пестрых туфель: блеск, глянец, атлас, лакированная кожа, блестки, и так до дальнего угла за прилавком, где были выставлены кроссовки с укрепленным носком и скользящей подошвой.

Алиса тогда примерила их наскоро. Топнула пару раз ногами в пол и кивнула: беру. Продавец спросил, не хочет ли она пройтись, подвигаться, почувствовать, как сидят на ноге, как держат ступни, не жмет ли в ширине. Он и сам танцует – может, включить музыку и попробовать в деле? Алиса отказалась от музыки и для вида походила туда-сюда, а когда продавец отвернулся за коробкой, все-таки сделала неловкое переднее очо, выставив вперед руки в имитации танго-объятия, как учили на тренировке. Продавец обернулся. Она схватила с полки ближайшую туфлю, изумрудный атлас с серебряной каймой, и принялась рассматривать подошву.

– Это не ваш размер, – мягко сказал продавец. – Примерите, может быть, вон те, красные? Или есть черные, очень элегантные, как раз на вашу ногу. И каблук небольшой, всего пять сантиметров.

Алиса покачала головой, вернула изумруд с серебром на место и полезла в карман за кошельком. Продавец упаковал в коробку атласный мешочек на длинном шнурке и с отдельными карманами для каждой кроссовки, за счет заведения.

Сейчас она выложила кроссовки в этом мешочке из рюкзака на диван. Погладила шелковистую ткань кончиками пальцев.

– Русская, где рюкзак? Бутылку вот нашел с ракией, влезет?

– Не влезет. И так еды мало.

Поспорили.

– В карман положу.

– Стекло побьется, Маки. Я бы и сама взяла. Валюта же.

– Скажешь тоже, валюта. Тогда в каждом доме, бре, по валютному сейфу! Менять не дам.

В рюкзак утрамбовали под завязку консервы, редкие блистеры с просроченными уже таблетками и пластыри, найденные на полочке в ванной, спички и пару зажигалок. Молотый кофе пришлось оставить, а растворимый из банки пересыпали в полиэтиленовый пакет и завернули еще в один, для верности. Алиса добавила пару кухонных ножей, предварительно обмотав лезвия найденными в комоду носовыми платками с вышитыми инициалами.

Радиоприемник Марко убрал под объемную куртку. На рюкзаке распустил лямки посвободнее и закинул его на спину. Алиса прошлась по платяным шкафам и ящикам комода. Нашла старую поясную сумку на регулируемом ремне. Лет двадцать пять назад с такими ходили новоявленные коммерсанты и первые заграничные туристы. Сейчас их носили модные девочки, сошедшие на улицы прямо с глянцевых реклам сетевых магазинов одежды. Эта была не из сетевого магазина, а из того, коммерсантско-туристического прошлого, добротная, но потрепанная жизнью. Алиса застегнула сумку на талии, подтянула ремень. Вернулась на кухню. Внутрь

удобно поместился блокнот, ручки и собственная аптечка. Она взяла мешочек с кроссовками, покачала в руке, как будто взвешивала. Распустила шнурок, сдвинула ткань так, что показались уплотненные кожаной пластиной задники.

– Я вот это нашел, – в кухню зашел Мика с компактной картонной коробочкой в руке. – Это пригодится?

Алиса повернулась. Мика мазнул взглядом по ее рукам. Она быстро подтянула кромку мешочка, дернула шнурок, бросила кроссовки на диван.

– Это ружейные патроны. Охотничьи. Для них еще ружье надо найти. Хотя возьми, пусть Марко к себе в карманы упакует.

Взяла с дивана ключи, положила в поясную сумку, застегнула молнию и вышла в коридор.

– Кроссовки свои не возьмешь? – спросил в спину Мика.

Алиса остановилась. Пальцы автоматически затеребили язычок молнии. Всего-то и нужно, что пройти обратно, подцепить мешочек за шнурок. Он двойной, длинный, завязан петлей. Можно попробовать продеть руки и носить на манер рюкзака. Можно закинуть на плечо и прижать рукой к боку. Можно попросить Марко спрятать в недрах его надежной куртки. Можно примотать к рюкзаку, как делают туристы и хиппи со свернутыми резиновыми ковриками. Можно повернуться к Мике и спросить, зачем.

Спросить, стоят ли эти кроссовки всех усилий, который сейчас придется потратить, чтобы не потерять их и выносить до безопасного места. Когда она выведет их из самого пекла и чертоги революционного Аида останутся за плечами, что сделает Мика, когда она подойдет к нему с этим мешочком в руках и напомнит, что это из-за него она не оставила их в разоренной войной квартирой в старом доме. Когда снова станет можно, вспомнят ли они оба, что сегодня они должны были танцевать в пустой студии среди плюшевых кресел и атласных ламп-корсетов? Когда они оба выйдут вверх по течению к устью Стикс и Ахеронта туда, где над горизонтом после длинной ночи занимается красноватое солнце, захочет ли один танцевать с другим?

За эти два дня Мика, который даже ходил, как по паркету скользил, Мика, которого знали по всей Европе за его ловкие быстрые ступни, Мика, который дышал на танго-бит, ни разу не сделал ни одного танцевального па, ни простенькой разминки после неудобной ночи, не включил в телефоне музыку. Захочет ли вообще кто-то из них когда-нибудь танцевать? Сможет ли?

– Думаешь, стоит взять? – спросила Алиса.

Мика пожал плечами.

«Скажи, что ты бы взял. Скажи, пожалуйста».

«Скажи, что не нужно. Скажи, что не понадобятся они там, куда мы сейчас выйдем».

«Скажи что-нибудь».

– Твои кроссовки. Тебе решать.

Он развернулся и вышел.

Марко уже обувался, прямо с рюкзаком на спине. Мика помог госпоже Марии выйти из спальни. На ней было свежее платье, кожаные туфли на низком каблуке и другая пара перчаток. Мика нес в руке легкий вязаный кардиган.

– Переобуться бы бабуле, навернется еще, – сказал Марко с порога.

– Я просил. Она не согласилась. Сказала, дама без каблука и шляпки из дома не выходит.

И она не бабуля.

Марко только фыркнул. Затянул потуже шнурок на берце, разогнулся.

– Готово. Последний рейд сделаю, пока прихорашиваетесь.

– Собрались же уже.

– На всякий случай.

Пока Марко обходил квартиру, Мика подал госпоже Марии кардиган и помог одеться. Пуговицы она застегнула сама, а потом задержалась у настенного зеркала. Достала из кармана

кардигана уже потертую гильзу с губной помадой и тщательно, неторопливо провела по нижней губе, по верхней, острым кончиком подкрасила уголки губ.

– Русская! – подал голос Марко из кухни. – Ты тут, кажись, забыла кой-чего.

– Я всё взяла! – поспешила Алиса. – Идем, некогда.

Она затылком чувствовала, как Мика на нее смотрит.

Дальше они втроем стояли у двери и прислушивались. Прятаться было не от кого. По улицам сновали люди, в подъезде чьи-то ноги то и дело топали то вверх, то вниз по лестницам. Алиса подумала, что сейчас они вчетвером стоят у двери не из опаски, а потому, что пока дверь закрыта, мир все еще остается за порогом, снаружи, даже после того, как вломился в их убежище с ноги, вышибив все стекла.

– Русская, ты чего? – шепотом спросил Марко.

Алиса сначала не поняла, а потом почувствовала: по щекам течет. Она отвернулась и стерла слезы тыльной стороной ладони. Посмотрела на коридор, на настенное зеркало, ключницу, распахнутые двери в осиротевшие разоренные комнаты.

Она не попрощалась сегодня утром со своей светлой студией-гарсоньерой, в которой окна выходили на зелень, солнце и маршрут цыганского мусорного фургончика. Не попрощалась с последней квартирой в России, из которой выезжала на военный аэродром в четыре часа утра с дорожной сумкой через плечо и ноутбуком в рюкзаке. За двадцать пять лет работы она приучила себя думать про дом как про четыре стены и крышу. Как хирургу нельзя думать о своих пациентах как о людях, так ей нельзя думать о жилище как о доме, потому что слишком хорошо знала, как внезапно вспыхивают и быстро горят дома, и как долго потом мечется этот огонь, который давно угас в реальном мире вещей, где-то внутри, выжигая землю в пепел. Выгорание лечится только прикладыванием холода снова и снова, пока обожженные участки не потеряют чувствительность, а потом будут требовать больше льда, чтобы снова не стало больно.

Сейчас, стоя на пороге дома, она за секунду пролистала все свои квартиры как фотокарточки в альбоме. Аккуратные, безликие квартиры, в которых в восемнадцать еще были постеры на стенах и безделушки с блошиных рынков на полочках, после тридцати оставался только минимум хозяйской мебели да снимки с официальных мероприятий, где чьи-то влиятельные рукижимают Алисину ладонь, а к сорока и снимки она уже не распаковывала из картонной коробки.

Подумала, как здесь жили Мария с Йоцей. Были ли у них дети. Навещали ли они ее после смерти мужа: может, привозили продукты, сидели за столом за чашкой домашнего кофе с бархатистым кусочком рахат-лукума на блюде рядом с чашкой и чоканем с ракией, пересказывали ей истории своих жизней, которые иногда, в моменты редкого просветления, пробивались сквозь пелену амнезии. А может, не было никаких моментов, и голоса из внешнего мира госпожа Мария слышала в своей голове из уст совсем других людей, которых и в живых-то уже нет. Эти люди жили только в ее ненадежной памяти да в этой квартире. По спальне ходил невидимый Йоца, в кладовке жила невидимая Ясмينا, по коридору топотал невидимый хулиган Сале с приятелями.

В этот дом они зашли без воли и ведома хозяйки, и принесли с собой войну, а теперь забрали его жизнь, и хозяйку забрали. Никто не знает, будет ли еще стоять этот дом вечером, и что еще заберется в квартиру через беззащитные оконные проемы, и вернется ли сюда когда-нибудь госпожа Мария.

По мертвым, по крайней мере, устраивают поминки, где люди собираются, чтобы поговорить об умершем. Его проводить добрыми словами, себе напомнить, сколько жизни было, попробовать сохранить ее хоть в словах, хоть в историях, хоть в хмельном смехе и неперемных анекдотах, во все более сбивчивых байках о неловких и смешных случаях, которые когда-то переживали вместе с этим человеком. Людям нужна путеводная ниточка, дорожка из камеш-

ков в страшном сказочном лесу, по которой можно вернуться из гостей у смерти на сторону жизни. Пока однажды не окажется, что вместо камешков были хлебные крошки, которые склевали черные птицы.

Как отпеть и помянуть дом?

– Я ничего, – сказала Алиса.

Сняла ключи с крючка ключницы, закрыла дверку. Повернулась к своим.

– Все всё помнят? Спускаемся вниз. Потом строго за мной. Мика с госпожой Марией в центре, Марко замыкает. Если остановят, скажем, что были в той части, где дом пострадал больше всего. Идем к родственникам. Если будете отставать, если хоть что-то пойдет не так, кричите. Там сейчас все кричат. Я услышу. Выберемся из толпы – оценим ситуацию. Скорректируем маршрут. Нам бы только узнать, куда можно отсюда пойти.

– Взяли бы ракию, – проворчал Марко. – Выпили бы, когда выберемся.

Он топтался у двери в своей пухлой куртке, переминался по-пингвины с ноги на ногу, прижимая руки к бокам, чтобы сохранить приемник в целости. Алиса почему-то вспомнила детские зимы, когда нужно было носить два свитера под пальто, а поверх заматывать пуховый платок, и чтобы варежки на резинке. Как космонавт перед выходом в холодный снежный космос. Как трудно было ходить в тяжелых слоях, получалось только вот так вот переваливаться, и просто переставлять ноги, и как хорошо было, если руку в варежке держала чья-то взрослая ладонь, которая направляла и задавала движение. Хорошо, когда можно довериться ладони и знать, что она приведет туда, где будет тепло, сухо и горячий сладкий чай с сушками.

Изнутри дверь отпиралась двумя поворотами замка.

Марко вышел первым, за ним – Мика с госпожой Марией. Алиса была последней. Заперла дверь на ключ и помедлила. Наклонилась, убрала под коврик, приладила его так, чтобы не было видно.

На лестничной клетке было пусто, но сверху раздавались гулкие шаги, а с пролета ниже кто-то шумно ругался:

– Чего копаешься, *жебем ти сунце?* Бросай свои цацки!

Ему вторил другой голос:

– Документы!

Было слышно, как где-то за приоткрытой дверью визгливо лает маленькая собачка, и детский голос:

– Мам, поводок!

Собачка огрызнулась, а потом тоненько заскулила. Наверное, не хотела на поводок.

– Я сейчас! – Алиса развернулась, когда они уже спускались по лестнице.

В три больших, через ступеньку, шага вернулась на площадку. Нырнула под коврик. Отперла дверь. Метнулась в спальню, взяла с комода фотографию. Дрожащими пальцами отогнула гвоздики, чуть не поломав ноготь. Вынула фотографию. Задник не стала прилаживать обратно, оставила разобранную рамку лежать на комодe. Торопливо вышла обратно и снова проделала все то же самое: ключ в два оборота и коврик.

Вернулась к своим, на ходу складывая фотографию пополам. Протянула Марко:

– У тебя карманы большие, положи к себе. У меня помнется.

Она избегала смотреть на Мику, но чувствовала на себе его взгляд. Впервые за два дня от него было горячо как-то по-другому, не как обычно. Обычно – как будто прыгаешь в ледяную воду, а она обжигает кожу. Сейчас было тепло. Алисе не хватило духу поднять глаза и узнать, так ли это или она надумывает. Казалось, что посмотреть – это что-то стыдное, запретное. Что-то, что навсегда останется там, где случилось, и никогда не будет выноситься наружу всеми сопричастными, как пресловутый сор из избы.

– Теперь всё, – сказала она.

И вчетвером они начали спускаться по лестнице.

Глава 10

Белград горел.

Город, который назывался белым, всегда был серым зимой и зеленым летом. Сейчас он окрасился в рыжий от огненных всполохов и черный от гари и копоти. В черно-рыжем городе люди кричали, плакали, ругались, хохотали, матерились и выли на разные голоса. Выносили воду в мисках и пластиковых ведрах, передавали тару друг другу, пытались загасить то, что горело. Кто-то догадался вынести из подъезда огнетушитель, и к общей какофонии примешивался теперь звук бьющей из раструба пены.

Дым царапал легкие, кислый запах забивал ноздри. Воздух стал плотнее. В нем было тяжело идти и дышать, словно в дурном сне, когда идешь по пояс в реке, а вода, вязкая и похожая на нефть, сковывает ноги. То и дело где-то бухало, и до них докатывалось эхо. Танки, определяла на слух Алиса.

Как вчера идти не получалось. На этот раз Алиса толкалась локтями и плечами. То ее кто-то задевал, то она кого-то. На ходу выискивала бреши в толпе, ныряла в них, и всю дорогу уже привычно чувствовала затылком и шеей, что за ней идет Мика, держит за руку госпожу Марию, а за ними замыкал Марко.

Свернули было по старому маршруту, через Ресавску – к широкой Кнеза Милоша, но нарвались на баррикаду, уже не на скорую руку из подручных средств, а грамотно возведенную. Металлические заслоны, которые использовались в мирное время для дорожных работ и массовых мероприятий, были укреплены джутовыми мешками с песком. Вдоль стояли люди в жандармской униформе пополам с ребятами в таких же, как у Марко, черных пухлых куртках. Алиса развернулась и впервые с выхода из квартиры встретила взглядом с Микой. Мазнула глазами по госпоже Марии, наскоро оценила, как на удивление бодро шла пожилая женщина, и как на ее лице не было ни растерянности, ни страха.

Пошли по другой улице, но снова вышли к баррикаде. Вместо жандармов стояли люди в штатском, с одним из них спорил рослый пузатый мужчина в резиновых шлепанцах и ветровке поверх несвежей футболки.

– Слушай, брат, понимаешь, брат, дом у нас вон там, горит. Как так-то, брат? Ну сделай что-нибудь, брат.

– Не положено.

– Брат, ну вы ж тут сила, ну хоть пожарных вызвать.

– Город перекрыт. Подождать надо.

– Чего ждать-то, бре? Чего?

– Город перекрыт, – повторил полицейский, а когда мужчина в шлепанцах попробовал еще раз, замахнулся прикладом автомата. Мужчина по-щенячьи взвизгнул и потрусил в другую сторону, шлепая задниками и натываясь на спешащих навстречу людей.

Попробовали другую улицу. Идти становилось сложнее, людей прибывало. Все подступа к крупным центральным улицам оказались перегорожены баррикадами. Из центра стали доноситься крики и отдаленные щелчки оружейных выстрелов. Где-то рядом горели здания, и поднявшийся ветер разносил пепел и удушливый запах. Вместе с ними в воздухе на ветру металась лоскутки слов и слухов: взяли Парламент, вешают президента. Да нет, заслали мирных парламентариев, будет добровольная передача власти. На небоскребе «Београджанка» снайперская точка, будут стрелять всех, кто в зоне видимости и не в военной форме. Да нет, на самом деле там вертолетная площадка, только непонятно: кто-то будет улетать из города или наоборот, прилетать, а если прилетать, то что привезет с собой – новости, листовки, паспорта, оружие?

Когда почти дошли до очередного кордона, Алиса встала на углу здания, прижалась спиной к стене так, чтобы беспорядочно снующие люди ее не задевали. Мика с госпожой Марией подошли почти сразу, Марко подоспел через несколько секунд.

– Чего стоишь, русская?

– Наблюдаю. Помолчи, пожалуйста, две минуты.

Алиса смотрела на мужчин в синей униформе, которые держали переход закрытым.

Она вспомнила, как в прошлом году в день белградского прайда оцепили центр по периметру маршрута радужной колонны и выставили кордоны. Было воскресенье, и полицейские были так же недовольны, как и люди, которые хотели пройти в кино или любимую кофейню, а вынуждены были разворачиваться и на ходу менять планы.

Алиса тогда не попала в единственный открытый супермаркет на районе, который по воскресеньям закрывался в три, и до понедельника дома оставался только кофе. Она подошла к оцеплению, чтобы узнать, что к супермаркету сейчас нет ни одной открытой дороги, угостила мрачного полицейского по имени Жаре зажигалкой и минут десять поговорила с ним о том, что в охране улиц после футбольного матча между «Партизаном» и «Црвеной звездой» стоять хуже, и что так-то он ничего против не имеет, пока «эти» занимаются своими «этими штучками» дома за закрытой дверью, а вообще известно же, что главный человек на букву «п» в стране – президент Вучич, который отъел себе щеки хоть на хлеб намазывай.

Интересно, в каком карауле стоял сегодня Жаре. Знал ли он, как вешали вчера чучело из радужного флага вместо людей, которых он в прошлом году должен был охранять.

– Ты кого-то знаешь из тех парней, Маки?

Алиса кивнула в сторону кордона. Марко прищурился, присмотрелся.

– Не признаю вроде.

– Тогда подойди к ним, пожалуйста, вон к тому, второму справа. Поговори.

– О чем?

– Спроси, какие улицы перекрыты, куда отсюда вообще можно сейчас попасть.

– А куда мы хотим?

– На Баньницу, – сказал Мика.

Оба повернулись к нему, и Марко поцокал языком:

– Тебя не спросили, танцор балета.

Мика ему не ответил, посмотрел на Алису. Она встретила его взгляд и едва заметно кивнула. Они дали друг другу обещание, каждый свое. Ее танцевальные кроссовки остались в квартире, ее час в бережных руках Мики остался в разоренной школе, и не было совершенно никакого смысла требовать, чтобы обещания мирного времени имели хоть какой-то вес, когда горит город. Но ее обязательство Мике было сделано принесено после того, как их время разломилось надвое, разделилось на «до» и «после». Все слова данные «после», должны были исполняться, иначе какая вообще цена могла быть у слова? А кроме слов у Алисы никогда ничего и не было.

– На Баньницу, – сказала она. – Спроси их про Баньницу.

– А чего не ты?

– У меня акцент. Примут опять за словенку, проблем не оберемся. А даже и за русскую, я же не знаю, кто у них сейчас в фаворе.

Она умолчала о том, что знает таких мужчин, как этот второй справа. С другими мужчинами они поделятся и новостью, и шутейкой с крепким словцом, и сигаретой, но стоит с ними заговорить женщине, как слова проходят насквозь, кольшут что-то легонько внутри как тюль на ветру, но не задевают ничего по-настоящему так, чтобы получить ответ.

– Ладно, спрошу.

Марко помялся с ноги на ногу, а потом все так же вразвалочку зашагал к заграждению. Шел широким шагом, но Алиса со спины видела, как он горбится в холке, как подбирает плечи

и вжимает голову. Смотрела, как подошел к кордону, спросил о чем-то, выслушал короткий ответ. Полез в карман, достал пачку сигарет, и полицейский вытащил одну, а потом и его соседи слева и справа угостились. Зажигалки у них были свои.

Марко убрал пачку в карман и еще что-то сказал. Алиса всматривалась и пыталась прочитать по губам, что отвечали ему мужчины в форме. Даже не заметила, как за плечом потеплело. Мика встал за спиной, тоже всмотрелся через ее плечо. Алиса коротко резко вдохнула, да так и задержала воздух. Сердце, бившееся чаще от тяжелого заплыва по запыленным людям и паникой улицам, замерло кроликом, который только робко прят длинными ушами и косил круглыми глупыми глазами.

– Долго они, – сказал Мика.

– Все в порядке, – шепотом ответила Алиса, все еще глядя в одну точку и не поворачивая головы – Смотри, Марко голову вжимать перестал. Вытянулся. Повыше стал. А тот, в форме, наоборот, плечи опустил. Расслабился. Пачку ему отдай, Маки, у них же своё закончилось. Давно стоят. И с дисциплиной у них жестко.

– Ты откуда знаешь?

– У всех троих сигарет нет. Давно бы уже кого-то послали. Если не к своим, то в ближайший ларек. Тем более, там сейчас даже платить не нужно. А у прохожих не стрельнули. Не положено, значит, заговаривать. Хорошо, что Марко пошел. Он, считай, свой. Потому и говорят сейчас. Давай, Маки, пачку.

Марко как будто ее услышал, снова полез в карман и протянул помятую уже пачку полицейскому. Тот принял с коротким кивком. Подержал в руке открытой, пока товарищи растащили себе по несколько штук, остальное убрал в нагрудный карман форменной куртки. Что-то сказал. В разговор теперь втянулись двое остальных. Хохотнули чему-то. Один приятельски хлопнул Марко по плечу.

– Молодец, – одними губами сказала Алиса. – Ну какой же ты молодец.

Мика шепотом сказал свое фирменное «х-ха», ухо и висок обдало теплым воздухом. Алиса все-таки чуть повернула голову, скосила глаза, попробовала его рассмотреть. Видно было только, что Мика смотрит мимо, следит за Марко так же внимательно, как и она сама, и губы у него поджаты. Марко ждал, пока полицейский отцеплял от пояса рацию и коротко связывался с кем-то. Выслушал. Кивнул. Повернулся и направился обратно. У виска сразу стало холодно. Мика сделал шаг назад.

– Кордоны везде, – сказал Марко. – Здесь просто с людьми, а дальше от центра еще с брониками, где сектора еще не поделили толком. Ну, с машинами. Связь по рациям. В сторону Нового Белграда никого не выпускают. На Баньцу тоже, но ребята помогли. Нас пропустят через два кордона. Только быстро надо, пока патрули не сменились, а то новые уже не в курсе будут.

Алиса вытащила телефон и посмотрела на время.

– Мы почти за сорок минут прошли столько, сколько раньше прошли бы за пятнадцать максимум. До Баньцы отсюда было бы час с лишним. Сейчас хорошо, если в два с половиной уложимся.

– И что? – спросил Марко.

– И что? – одновременно спросил Мика с вызовом.

– Идти придется быстрее. Мы сможем быстрее, Мика?

Он посмотрел на госпожу Марию, которая рассеянно поглядывала по сторонам и шевелила губами. Наверное, снова вела диалог с голосами в своей голове.

– Госпожа Мария?

На соседней улице раздалась автоматная очередь, и ждать ответа стало бессмысленно.

– Идем, – Мика дернул ее за руку.

Они побежали вместе с толпой.

До собора святого Савы они дошли почти за час. За два дня город изменился, как будто и не было старого ленивого Белграда. Чем ближе к храму, тем меньше Алиса узнавала улицы. Раньше они были заполнены пестрыми персонажами, от модных тонконогих девочек с голыми лодыжками между узкими штанинами джинсов и леопардовыми кроссовками, до пожилых господ с импозантными сединами, в пальто, толстых роговых очках и с трубкой. Сейчас, когда они отошли от места взрыва и вздернутая паникой толпа разредилась, стали попадаться совсем другие персонажи.

Шли траурные долгополые священники, и за каждым по двое-трое крепко сбитых молодчиком с бритыми затылками. Молодчики шли словно гвозди в тротуар вбивали, с высоко поднятыми головами, поджатыми губами, прищуренными глазами, как будто смотрели на мир через невидимый кружок снайперского прицела.

Попадались люди в военном, и совсем мало в штатском. Ни одной женщины.

На их группу, в которой женщин было аж две, недобро смотрели.

– Поменяемся, – сказала Алиса.

Марко хоть и поворчал, но согласился, чтобы с ним первым шел Мика. Мика до последнего держал руку госпожи Марии, и Алиса видела, как не хочет он ее отпускать и, что обиднее, отдавать Алисе. «Я взяла фотографию, – хотела сказать она. – Я закрыла дверь на ключ и спрятала его под ковриком». «Посуда осталась грязной, стекло на полу», – возразил голос Мики в ее голове.

Алиса подставила ладони лодочкой и одними губами сказала: «Пожалуйста». Только тогда Мика вложил в них морщинистую теплую руку. В этот момент с неба зарядил мелкий колкий дождь, унылый, как статическое электричество по радио, как стакан остывшего молока с пенками, как февральские вторники, как казенный бутерброд на борту задержанного на три часа рейса, словом, как самые изощренные пытки, выдуманные человечеством, из которых неизвестность – самая страшная.

Под эти дождем они вышли на мощенное плиткой плато перед храмом.

Раньше здесь били фонтаны в маленьких бассейнах из белого мрамора, продавали попкорн со стилизованной под карету вишневой тележки, целовались парочки, сидели по скамейкам собачники и родители, пока их питомцы и дети с восторгом плескались прямо под струями воды, и заводили свое напевное «дай вам бог счастья, здоровья» профессиональные нищие. Сейчас похоронного вида мужчины на фоне траурной черной толпы устанавливали на фонарных столбах с затейливыми завитушками громкоговорители. Толпа переминалась с ноги на ногу и негромко гудела как линии электропередач в грозу. То тут, то там вздымались в воздух деревянные древки с иконами и хоругвями, с аляповатыми плакатами, на которых, помимо хорошо известных Алиса слоганов про НАТО, Ватикан и католиков, геев, Косово и обязательную вакцинацию, теперь были и знакомые по листовке «Новая Сербия – единая Сербия» с гербом. Алиса присмотрелась – герб остался старым, с короной и двуглавым орлом под витыми золотыми шнурами на багровом фоне.

Завидев зеленые купола с золочеными крестами, Марко размашисто перекрестился. Мика наморщил нос и отвернулся в сторону, и парень это заметил.

– Проблемы, танцор балета?

– Веришь в бога?

– Ты нет, что ли?

Мика пожал плечами. Марко сдвинул брови, но продолжил класть кресты. Зашевелил губами, зашептав быструю молитву. Алиса выхватывала отдельные слова из скороговорки, и похоже было, что это не импровизация, а накрепко записанный в память текст. Уловила «братишки», «мамуля» и «спасибо и сохрани». Мужчина, который закончил с громкоговорителем на ближайшем столбе, одобрительно кивнул, а когда спустился по лестнице, хлопнул Марко по плечу.

Мика фыркнул так громко, что, кажется, даже толпа на мгновение замерла. Мужчина повернулся к Мике. Набычился. Прищурился. Открыл рот.

Марко шагнул к мужчине, поднимая на ходу руки ладонями вовне.

Алиса шагнула к Мике, встала, закрыв его наполовину плечом.

Госпожа Мария положила птичью лапку на предплечье мужчины, улыбнулась и со словами «Христос воскрес!» приподнялась на цыпочки и трижды поцеловала воздух по обе стороны его лица.

Прищур разгладился, но теперь между бровей пролегла резкая вертикальная складка. Мужчина посмотрел на госпожу Марию и спросил:

– Это чего?

– Это бабка наша, – поспешил Марко. – С головой чутка не в ладах, но ты не смотри. Она наша, правильная. Привели вот посмотреть, какие дела творятся. А на малого не смотри, говорю же. Малёк еще. Воспитываем вот с сестренкой, как можем.

Мужчина пожевал губами, но, в конце концов, сплюнул прямо на брусчатку и сказал:

– Вел бы ты их отсюда. Тут пока свои только. А посмотрите, когда закончим. Недолго уже осталось.

Протянул Марко руку, коротко пожал. На Алису с Микой не посмотрел, зато наклонился к госпоже Марии и по слогам почти сказал:

– Воистину воскрес, госпожа!

Та протянула ему руку в ответ, и он, помедлив, взял ее двумя руками и осторожно пожал. Буркнул:

– Давайте-ка отсюда!

Развернулся и через несколько шагов влился в толпу, растворился среди таких же черных людей.

Громкоговоритель кашлянул. Икнул. Из него полился тот же джингл, который они слышали по радио во время трансляции новостей. Все трое вслушались, но вместо голоса диктора за джинглом затянулся молебен. Его подхватил чей-то голос в толпе, а за ним и другие. По улицам, пустым без машин, собак, людей, трамваев и уличных торговцев попкорном и сувенирами, понеслось эхо. Пришли в движение плакаты и хоругви. Заходила аморфная масса, принимая структуру. Вот уже выстроилось заглавие колонны, вот за ней организовывалась широкая человеческая река.

– Какие лица, – сказала себе под нос Алиса.

– Какие лица? – переспросил Марко.

Она только плечами пожала.

– Слышь, русская. Не трожь. Они тебя не трогают, и ты не трожь. Верят люди в Спасителя, тебе чего с этого?

– Они уже потрогали весь город, – тихо сказал Мика.

– Слышь! Танцор балета! Русская, уйми его, а?

Мика весь подобрался, подался грудью вперед, вытянулся макушкой в небо, как будто встал в танцевальную стойку. Скрестил руки на груди.

– Унимать нужно не меня.

Алиса все еще загораживала Мику плечом от уже несуществующей опасности, и сейчас развернулась к нему. Прищурилась. Дернула крыльями острого носа.

Хотела сказать, что он и так всю дорогу молчал, ни полсловом с ней ни обмолвился, когда не говорил, что ему нужно остаться в школе, что в супермаркет нужно взять деньги, что чужие припасы есть нельзя, что полубезумная пожилая женщина пойдет с ними, что вся группа поведет его на Баньницу через полицейские кордоны. Говорил всегда о том, что нужно ему, и ни разу о том, что нужно им. Молчал, когда Алиса сидела у окна в солнечном свете.

Молчал, когда она держала в руках новенькие кроссовки. Не тот момент Мика выбрал, чтобы заговорить. Раньше нужно было, слышишь? Нужно было раньше!

– Сейчас помолчи, пожалуйста, – сказала Алиса.

– Вот это правильно! – сказал Марк.

– Ты тоже. Сейчас говорить буду я. Я буду говорить, пока мы не дойдем до Дединья, а потом...

Кашлянул громкоговоритель, и высокая чистая нота молебна сорвалась в визг.

– Потом, – сказала Алиса, глядя мимо Мики, – я тебя там оставлю, и сможешь говорить, что захочешь. Идем.

Глава 11

На Баньницу шли почти два часа.

Тяжелее всего было вырваться из разгромленного центра.

На Браничевской улице остановились у разгромленного американского дайнера, где в битых окнах был выставлен опаленный с краев и перевернутый американский флаг, а на столах осколки были перемешаны с мелочью из музыкальных автоматов. Кое-где все еще стояли яркие пластиковые стаканы с трубочками и тарелки с недоеденными луковыми колечками и бургерами. Мика отказался заходить внутрь, и Алиса с Марко сами зашли, хрустя битым стеклом под подошвами, и вынесли к двери четыре стакана с водой из-под крана.

На подходе к бетонной петле моста на Автокоманде увидели первый блокпост. Все те же металлические ограждения, три машины с шашечками такси, пятеро мужчин, из которых двое были в военном, а трое в штатском. Марко вышел им навстречу с поднятыми наружу ладонями, коротко переговорил, и старший с автоматом наперевес коротко махнул головой. Буркнул в спину: «Лучше парком, как дойдете». Группа поспешно, насколько позволяла госпожа Мария, поднялась на мост, перешла на другую сторону и спустилась по крутым ступенькам.

До парка шли по почти безлюдным улицам. Странно было видеть целые окна и витрины, чистые вывески ночных клубов, кафе, аптек и супермаркетов.

– Это что, Маки? – спросила Алиса, но тот только плечами пожал.

Он так же вертел головой по сторонам и оживился, когда пошли мимо стадиона «Райко Митич». Привстал аж на цыпочки и прищурился, чтобы рассмотреть.

– Целенький, – с нежностью в голосе сказал он.

– Здесь все целенькое. Как приснилось. Только людей нет.

Ответ нашелся скоро. В каждом квартале на столбе висел рупор, из которого, как сверилась по часам Алиса, каждые пятнадцать минут передавалось одно и то же сообщение. Гражданам настоятельно рекомендовали сидеть дома под угрозой задержания за несанкционированный выход и обещали, что это временные меры для их же собственной безопасности.

Несколько раз Алиса заметила, как на них смотрят сквозь жалюзи и шторы. Какой-то парень возраста Мики помахал ей и вопросительно кивнул. Алиса скрестила руки в воздухе: не надо, не выходи. На подоконник запрыгнул черный кот. Прежде чем штора задернулась обратно, Алиса видела, как парень рассеянно почесал его за ухом.

Когда дошли до парковой полосы, миновав еще один кордон с усталыми и неразговорчивыми часовыми, свернули на тропинку, начинающуюся у яркого деревянного знака «Байфордов лес» со стендом, на котором был план лесополосы, а рядом под большими цветными фотографиями птиц рассказывалось о том, каких пернатых можно увидеть и услышать на прогулке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.